

379.44(с)71(с 126л)
Г-72

ОТЧЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
РУССКОГО МУЗЕЯ

за 1925 г.

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО МУЗЕЯ

ЛЕНИНГРАД

1926

Z 1769

K

↙

379.44(с)71(с1261)
Г-72

ИЗ КНИГ
С.И. Григорова

7М
087

ОТЧЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО МУЗЕЯ

за 1925 г.

*кр
мет*

ПРОВЕРЕНО

ЛЕНИНГРАД
1926

16 ОКТ 2009

БИБЛИОТЕКА
ТМ
Изм. № 1769

~~БИБЛИОТЕКА
Изм. № 1769~~

Напечатано по распоряжению Государственного Русского Музея.

Ученый Секретарь *Н. Черепнин.*

Ленинградский Гублит № 19332 Тираж 750 экз.

Гос. тип. им. Ивана Федорова, Ленинград, Звенигородская, 11.

I.

ОБЩИЙ ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО МУЗЕЯ В 1925 Г. ¹.

Сложность задач и структуры является одним из основных свойств современного большого центрального музея. Прошло то время, когда исключительной задачей музея ставились накопление и хранение музейных ценностей, обычно вне связи с требованиями и условиями современной жизни, когда, поэтому, жизнь и музей привыкли противопоставлять, и не без основания, как понятия взаимно исключающие, когда с музеем часто ассоциировалось представление об умирании вещей. И, действительно, нередко можно было наблюдать, что вещь, сделавшись музейным объектом, попав в новую для нее среду, точно утрачивала свое подлинное бытие, умирала.

Современный музей стремится преодолеть те искусственные условия, в какие попадает в музее вещь, оторванная от бытовой среды. Умирая для прежней жизни, вещь должна возродиться для иной жизни в музее. Отсюда напряженные искания музеев в области экспозиции.

Осложнились приемы научного определения вещей. Оно сменилось во многих случаях углубленным выяснением существа вещи, ее природной среды, связи с культурными мирами, к которым она имела отношение, места и значения ее в эволюционном процессе, в сложных условиях экономических, социальных и политических соотношений. Научно-исследовательская работа стала органической частью музейной работы, и в наше время, время особого интереса к памятникам материальной культуры, роль в общей научно-исследовательской работе музеев, как средоточия таких памятников, и научных музейных работников неизбежно будет расти, расширяться и углубляться.

В музеях СССР, в отличие от иностранных, за последние годы особое значение получила культурно-просветительная работа. В рабоче-крестьянском государстве у рабочего, с изменением его социального и экономического положения, появились новые потребности, усилилось стремление к знанию, недостаток в котором он испытывает в своей профессиональной и общественной работе. Музеи заняли особо видное место среди тех источников, где рабочий ищет удовлетворения своей потребности

¹ Сообщение Ученого Секретаря на годичном заседании Совета Музея.

в знании. Богатство материалов, их доступность, наглядность, возможность самостоятельной работы вызвали стихийный рост числа организованных рабочих экскурсий в музеи. На ряду с этим также растет число посещений музеев учащимися, стоящее в связи с изменением методов преподавания.

Существенно изменился для больших центральных музеев и характер их обязанностей—собрания и хранения коллекций. Собрание перестало носить характер по преимуществу приобретения предлагаемых музеем вещей и приняло формы активной, строго продуманной, планомерно осуществляемой собирательской работы, находящей для себя наиболее яркое выражение в научно-исследовательских экспедициях и командировках. Хранение прежде всего и больше всего уделяет внимания напряженной заботе об охране здоровья музейных вещей, предупреждению их заболеваний, лечению их болезней. Хранение приняло формы методической работы, чрезвычайно сложной, требующей громадного количества специальных знаний по органической и неорганической химии, микробиологии, энтомологии, технологии, токсикологии и технике реставрации.

В рамках настоящего сообщения, конечно, не представляется возможным с достаточной полнотой осветить деятельность Государственного Русского Музея за истекший год во всех этих направлениях. Представляется возможным остановиться лишь на некоторых сторонах деятельности Музея, преимущественно внешних проявлениях его работы.

В Художественном Отделе много внимания было уделено работе по переустройству постоянной выставки.

В Отделении древне-русского искусства в течение отчетного года произведена, на основе принципов хронологической последовательности и эволюции художественных форм и стилей, новая развеска памятников византийского, итало-греческого и поздне-греческого искусства. Начата и продолжается работа по перевеске, на основе тех же принципов, памятников русской живописи и прикладного искусства XIII—XV вв. Произведена частичная перевеска памятников живописи XVII века, в связи с новыми поступлениями произведений Симона Ушакова.

В Отделении нового русского искусства, в развитие принятого в 1922 г. при переустройстве постоянной выставки плана, продолжались работы по ее пополнению и усовершенствованию, путем заполнения пробелов и замены одних произведений, характеризующих эпоху или мастера, другими, более совершенными в художественном отношении или более ценными по историческому значению. Соответственно этому помещен ряд картин К. Лебедева, Лемоха, Морозова, Прянишникова, Корина, Пимоненко, Левитана, Нестерова, Бакста, Серова, Сомова, Кустодиева, Рериха, Сапунова, Грабаря, К. Коровина, Савинова, Филонова, Никитина, Матвеева, Дяльбера, Каравакка, Лагренэ, Перезинотти, Гроота, Торелли, Щеточникова и Макарова. Из скульптурных произведений вновь установлены 4 работы Шубина, Козловского и Мартоса. Место, освободившееся после перенесения картин Репина на выставку, использовано для временной раз-

вески картин передвижников: В. Маковского, Журавлева, Ярошенко, Наумова, Мясоедова, Казакова, М. Клодта, Мешкова, Савицкого, Касаткина.

В течение 1925 года Художественным Отделом Русского Музея были устроены две временные выставки произведений И. Е. Репина и Ф. С. Рокотова.

Юбилейная выставка произведений И. Е. Репина связана с 80-летием со дня его рождения. Она устроена, по соглашению с Государственной Третьяковской Галлереей, почти одновременно с такой же выставкой в Москве.

В основу выставки положено богатое собрание произведений Репина, принадлежащих Русскому Музею. Оно было дополнено рядом его произведений, временно предоставленных Музеем другими учреждениями: Академией Наук, Музеем революции, Пушкинским Домом, Толстовским Музеем, Домом Медицинского Работника, Обществом художников имени Куинджи, 33 Трудовой школой, А. П. Боткиной, И. Н. Бродским, А. А. Добрудским, И. Я. Гиндбург, Б. Н. Молас, О. М. Павловым, Е. П. Тархановой, А. В. Шуппе, В. А. Фроловым.

На Репинской выставке в Русском Музее было собрано 178 его произведений: живописных, скульптуры, рисунков и акварелей, офортов, литографий, начиная с рисунков 1863 и 1864 гг. и картины «Приготовление к экзамену», впервые появившейся на Академической выставке 1868 г., и оканчивая работами 1917 г.

Впервые творчество художника было представлено с такой исчерпывающей полнотой. Показательным и ценным для изучения творчества Репина явилось сопоставление на выставке ряда важнейших для характеристики творчества Репина произведений, рассеянных раньше в государственных и, главным образом, частных собраниях, и потому в некоторой части полупозабывшихся. Особое место на выставке занимала картина Репина «Государственный Совет», по своему поразительному мастерству являющаяся единственной в мировом искусстве среди произведений такого рода. Сочетание на выставке этой картины с многочисленными этюдами к ней, принадлежащими Русскому Музею, уже явилось событием большого художественного значения.

Создалась своего рода традиция—подходить к Репину, лишь как к наиболее яркому и крупному представителю передвижничества.

На выставке с поразительной силой и яркостью выявился творческий облик художника со всеми его индивидуальными особенностями, во многом отличающийся от привычного представления о Репине. Установившиеся взгляды на Репина живописца, рисовальщика, на его офорты, литографии, на его технические приемы, на проблемы света, цвета, движения у Репина, несомненно, во многом подлежат теперь пересмотру. Колоссальная фигура самобытного русского мастера стала во весь рост.

Совершенно в иной, по сравнению с творчеством Репина, мир вводит выставка произведений Ф. С. Рокотова, загадочного, чарующего, изысканного художника XVIII века.

Свои работы Рокотов подписывал редко. В связи с этим и с крайней бедностью биографических данных Рокотову приписывалось и приписывается много произведений, совершенно различных по художественному достоинству, стилистическим и техническим приемам.

Единственный надежный путь к выяснению творчества Рокотова и выявлению подлинного его художественного наследия—возможно полное собрание воедино его произведений и произведений, ему приписываемых, непосредственное их сопоставление, всестороннее внимательное изучение их в отношении стилистическом и техническом, характера мазка, приемов грунтовки и подмалевки, свойств холста и т. д., и проникновенное восприятие внутреннего творческого напряжения и мироощущения художника.

Выставка Русского Музея была устроена почти одновременно с выставкой произведений Рокотова в Третьяковской галерее, где было собрано около 60 портретов, принадлежащих Рокотову или ему приписываемых. На выставке в Художественном Отделе Русского Музея представлено 80 портретов из собраний Художественного Отдела Музея, Фонтанного Дома б. Шереметевых, Академии Наук, Государственного Эрмитажа, Пушкинского Дома, Гатчинского, Павловского и Петергофского дворцов—музеев, Г. И. Гидони, Б. М. Еленского, О. П. Захарьиной, И. К. Крайтора, И. И. Рыбакова,—пополненных позже 14 портретами из Государственной Третьяковской галереи и Государственного Исторического Музея. Такое число работ Рокотова и приписываемых ему никогда и нигде еще не было представлено.

Основное непосредственное впечатление от выставки Рокотова—очарование его причудливым, капризным мастерством, пленительным изяществом, смелостью и блеском рокотовских красок, виртуозностью послушного мастера мазка, утонченностью соотношений колористических заданий и технических приемов, применяемых в строгой зависимости от внутреннего содержания создаваемого образа.

В Этнографическом Отделе II Отделением была устроена выставка украинских и румынских килимов, ковров, узор которых образуется цветными нитями утка. Выставка эта—исследовательского типа—имела целью не только показать разнообразие типов украинских килимов, но, главным образом, выяснить их связи между собою и с восточными коврами.

В общем Украину в отношении коврового искусства можно разделить на две части: восточную (Поднепровье и вся левобережная Украина), с ее иранской и среднеазиатской традициями, и западную, находящуюся в круге влияния Малой Азии. Заимствованные у восточного коврового искусства, украинские килимы получили на Украине самостоятельную разработку орнаментальной композиции и красочных сочетаний.

Не все существующие на Украине и в Румынии типы килимов представлены в собрании Этнографического Отдела, а, следовательно, и на выставке; но то, что было выставлено, вполне характеризовало основные группы и намечало их связи за пределами Украины.

Об интересе и значении выставки свидетельствует полученное, в связи с нею, из заграницы предложение издать коллекции украинских ковров Русского Музея.

Этнографический Отдел Русского Музея принимал участие в Международной выставке декоративных искусств в Париже.

Первоначально Этнографическому Отделу было предложено участвовать в выставке путем предоставления для нее части своих коллекций. Затем участие было расширено привлечением личного состава Отдела к непосредственному устройству на выставке коллекций Русского Музея, а потом и передачей в заведывание, командированного на выставку Хранителя Этнографического Отдела, А. А. Миллера всего Отдела национальных ансамблей и включением А. А. Миллера в число членов Комитета по устройству Отдела СССР на Парижской выставке. В помощь А. А. Миллеру был командирован научно-технический сотрудник Этнографического Отдела Я. П. Ульрих, которому, помимо обязанностей, возложенных на него Музеем, Комитетом Выставки было поручено непосредственное заведывание охранной службой в павильоне СССР и во всех прочих местах, где были размещены экспонаты СССР.

Задача, выпавшая на долю А. А. Миллера, оказалась весьма трудной. На выставку из различных местностей СССР был прислан огромный, но неравноценный материал. Особенно хороший по своему качеству материал был представлен из Украины, Азербайджана, Узбекистана. Но, например, совершенно не был прислан с мест материал великорусский, сибирских народностей, народов южного и северного Кавказа. Только коллекции Русского Музея дали возможность представить достаточно полную сравнительную картину произведений искусства народов СССР.

Здание павильона СССР, построенное как самостоятельное художественно-архитектурное задание, вызвало ряд затруднений в логическом расположении материала. Главное неудобство представляли стены, почти сплошь из стекла, которые, вследствие художественной обработки, нельзя было использовать как экспозиционную поверхность.

Русский Музей может быть вполне удовлетворен и тем вниманием, какое привлекали на выставке его коллекции, и тем отношением, которое было проявлено к работе Музея и его представителей, и, больше всего, тем обстоятельством, что до сего времени никогда за границей, даже на последней Берлинской выставке народного искусства, подлинное народное производство народов СССР не было представлено с такой полнотой сравниваемых образцов.

В январе 1925 г. Секцией Палеоэтнографии была устроена в помещении Географического Общества выставка палеоэтнографических материалов Экспедиции Общества, добытых раскопками П. К. Козлова и С. А. Теплоухова из курганов Ноин-Ула (Монголия).

Недостаточные средства, какие были предоставлены Этнографическому Отделу, не дали ему возможности в полной мере провести намеченную исследовательскую экспедиционную работу. Тем не менее Отдел, в значи-

тельной мере, благодаря содействию правительств союзных республик и автономных областей, а также местных организаций, осуществил значительное число экспедиций и командировок, давших ценный в научном отношении материал.

Отделение этнографии великорусов и финнов осуществило Лапландскую экспедицию в составе Д. А. Золотарева и А. Л. Колобаева, Южно-великорусскую — в составе Д. А. Золотарева, Е. Э. Бломквист, Н. П. Гринковой, Н. А. Троицкой, работавших в Воронежской губ., и Ленинградскую в составе Д. А. Золотарева и прикомандированных для практических работ студентов Университета Е. Г. Либмана, Е. И. Преловой, А. И. Фофанской, Н. С. Розова и фотографа-любителя А. А. Беликова. Кроме того сотрудниками Отделения выполнены командировки: Д. А. Золотаревым — в Поволжье и Рязанскую губ., Н. П. Гринковой — в Калужскую губ., З. П. Малиновской — в Ярославскую и Орловскую, Л. Л. Капица — в Печорский край, П. П. Ефименко — в Харьковскую и Воронежскую губ. Выполнили поручения Отделения: А. А. Макаренко — в Мурманской губ., Г. Д. Рихтер и Е. И. Егоров у лопарей, А. Л. Колобаев — в Орловской губ.

По Отделению этнографии Украины, Белоруссии и зарубежных славян исследовательская экспедиционная работа велась в Подолии, где, под руководством Б. Г. Крыжановского, продолжалось систематическое изучение быта украинцев, молдаван и евреев. А. И. Зарембский работал в западной части Подолии, М. А. Фриде и Е. П. Данини — в восточной, А. М. Колаковская и А. Я. Дуисбург — в Молдаванской республике. А. К. Сержпутовский продолжал работы в Белоруссии.

По Отделению этнографии Кавказа и Туркестана А. А. Миллер, руководивший работами Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии Истории Материальной Культуры, имел поручение от Этнографического Отдела по изучению быта черкесов Адыгейской области и собиранию этнографических коллекций. Ф. А. Фиельструп был командирован в Семиреченскую область для сбора этнографических коллекций среди киргизов. А. Н. Самойлович находился в командировке в Константинополь и Малую Азию.

По Отделению Сибири и Дальнего Востока исследовательская и собирательская деятельность выразилась в организации Алтайской экспедиции, в которой, под руководством С. И. Руденко, приняли участие научные сотрудники: А. Н. Глухов, М. П. Грязнов, студенты Н. М. Сунцова и М. Н. Комарова, инструктор К. П. Ульрих. Е. Р. Шнейдер находился в командировке к минусинским туркам, Р. П. Митусова — к лесным самоедам Обско-Тазовского водораздела.

По Секции Палеоэтнографии С. А. Теплоухов производил палеоэтнографические исследования в Минусинском крае. Г. А. Бонч-Осмоловский вел раскопки в Крыму пещеры Кинк-Коба и других стоянок каменного века. Е. Р. Шнейдером собраны новые данные о распространении каменных баб в Минусинском крае. М. П. Грязнов производил палеоэтнографические исследования, участвуя в Алтайской экспедиции С. И. Руденко. В. С. Адрианов

командирован был для участия в раскопках палеолитических стоянок, П. П. Ефименко в Воронежской и Харьковской губерниях и для участия в работах А. А. Миллера по раскопкам городища в Донской области.

Вещественные результаты экспедиций представлены на открывшейся 23 января 1926 г. отчетной выставке; исследовательская работа нашла себе отражение в вышедшем к открытию выставки издании: «Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг.».

В особо трудных условиях протекала работа Историко-бытового Отдела. Это является следствием недавнего существования Отдела, сложностью и трудностью поставленной им задачи — дать историю быта классовых ступеней русской социальной среды, специфическими особенностями бытовых материалов, отсутствием и на Западе и у нас установившихся традиций в области определения идеи бытовых музеев, их задач, методов работы, приемов экспозиции.

Все эти трудности стали перед Отделом при осуществлении выставки: «Купеческий бытовой портрет и материалы по купеческому быту XVIII — XX вв.».

Помимо общих здесь встретились еще и трудности особого рода, стоявшие в связи с темой выставки.

Если до известной степени изучалась история русского (торгового, промышленного и денежного) капитала за XVIII — XX вв. и хотя схематически определялась их политическая роль и значение за это время, то изучению бытового уклада капитала, его влияния в ходе развития русской культуры XVIII — XX вв. почти совершенно не уделялось внимания. А само купечество, по особым условиям быта, не позаботилось оставить нам того обилия семейных архивных материалов, какое мы имеем для истории быта дворянства XVIII — XIX вв. Вместе с тем одной из характерных черт русского купеческого быта является неустойчивость купечества, как семейного занятия; отхождение детей и внуков от «отцовского» и «дедовского» дела было обычным явлением. Дети и внуки купцов, добываясь и получая дворянство, старались одворяниться и в семейном быту, тщательно стирая следы и память прошлого происхождения.

Историко-бытовой Отдел сделал попытку войти в изучение этой малообследованной области русского быта, положив в основу этого изучения купеческий бытовой портрет, как наиболее полный и систематический источник, привлекая также материалы частного купеческого быта, как мебель, одежду, утварь, украшения, письма, дневники, деловые документы, фотографии купеческих домов и т. п., захватывая отчасти и купеческий общественный быт.

Открытая в феврале, как временная и краткосрочная, выставка вызвала живой интерес, особенно среди рабочих масс, оказалась ценным пособием для школьного изучения русского прошлого, стала включаться в программу учебных заведений. Вследствие этого закрытие выставки пришлось отсрочить на неопределенное время.

Одновременно Историко-бытовой Отдел работал над собиранием в Ленинграде и вне его материалов и подготовкой экспозиции к отчетной выставке по рабочему быту, являющейся органической частью намеченной общей экспозиции: «Труд и капитал накануне революции».

Двухсотлетний юбилей Академии Наук СССР дал повод к устройству Историко-бытовым Отделом в незадолго до того присоединенном к Русскому Музею Летнем дворце выставки: «Русский быт первой четверти XVIII в.», времени, когда зародилась мысль об учреждении Академии Наук.

Летний дворец Петра I, не испытанный за 200 лет существования переделок и перестроек и хорошо сохранившийся до наших дней, явился превосходным архитектурным обрамлением для задуманной выставки.

Основой выставки явилось собрание бытовых вещей первой четверти XVIII в. Историко-бытового Отдела Государственного Русского Музея; военные экспонаты были предоставлены Артиллерийским и Морским Музеями и Музеем б. Морского Училища; многое дали собрания Гатчинского и Петергофского дворцов-музеев; отдельные экспонаты получены из Московской Оружейной Палаты, Государственной Публичной Библиотеки, Государственного Эрмитажа, Галереи Петра I, из Музеев Филармонии, Связи, и от частных лиц. Архивные документы предоставлены Ленинградским Центральным Историческим Архивом и Обществом Древней Письменности.

Выставка явилась попыткой всестороннего изображения быта определенного исторического момента. Здесь нашли себе наглядное отражение торговый быт, начатки промышленности, основание нового торгового порта «Санкт-Питер-Бурха», война и военные реформы, реформы государственного строя, быт дворян, крепостного крестьянства, быт двора, новая светская культура, забавы двора и дворянства, шуты, карлики, великаны, арапы, члены «всешутейшего собора».

Включение летом 1925 года в состав Русского музея Фонтанного дома б. Шереметевых побудило Историко-бытовой Отдел Музея взять на себя новую задачу — создание к лету 1926 года, наряду с сохраняемыми комнатами последних владельцев, особой постоянной выставки, которая бы охватила быт Шереметевых за два столетия, как крупнейших землевладельцев, и вместе с этим быт крестьянства их поместий за это же время. Общественный смысл этой выставки должен заключаться не только в полной картине крепостного крестьянства XVIII — XIX вв. (чего не дает и не может дать какой-либо другой музей), но и в выявлении той стороны революции, которая покончила с остатками помещичьего землевладения.

Подготовка этой выставки велась Историко-бытовым Отделом в двух направлениях — собирании и изучении вещественного материала и изучении и разработке архивных материалов из архива Шереметевых. Эта работа протекает в тревожном настроении в виду угрозы спешного изъятия архива Центрархивом в Москву.

Помимо работ по устройству музейных выставок Государственный Русский Музей принял участие в Московской отчетной выставке Главнауки.

Обращаясь к издательской деятельности Музея, необходимо отметить, что Музеем принято как правило выпускать к каждой выставке соответствующее издание, хотя бы весьма небольшое по объему. Незначительность средств на издательство заставляет сокращать издательские планы и, в соответствии с запросами времени, главное внимание обращать на издания культурно-просветительного характера. В течение отчетного года, благодаря отпуску Совнаркомом особого кредита, удалось, однако, издать «Фрески Спаса-Нередицы» и напечатать часть III тома «Материалов по этнографии».

Издание фресок Спаса-Нередицы, известных всему культурному миру ценнейших памятников русско-византийской живописи, имеет исключительное научное значение. Это издание Русский Музей считал долгом посвятить Академии Наук СССР, ко дню ее двухсотлетия.

Основываясь на постоянных многочисленных личных обращениях и письменных запросах музейных деятелей, преимущественно провинциальных, по вопросам музейной практики, Русский Музей признал полезным начать в истекшем году издание особой серии «Музейное дело», посвященной вопросам музейной техники. Вышедшие первые три выпуска встретили внимательное отношение не только в пределах СССР, но и за границей. Всего за 1925 год Музеем выпущено 17 изданий.

За отчетный год в Музее еще шире, чем в предыдущие годы развернулась лекционная работа и семинарские занятия. В Художественном Отделе, в Отделении древне-русского искусства, Н. П. Сычевым велись со студентами Ленинградского Университета семинарские занятия по технике древне-русской живописи и со студентами Академии Художеств — по изучению техники и композиции, Л. А. Дурново — семинарские занятия по технике древне-русской живописи с научными сотрудниками и слушателями Института Истории Искусств и А. П. Смирновым — со слушателями того же Института семинарские занятия по византийской живописи; по материалам Отделения нового русского искусства читались лекции Н. П. Сычевым, А. П. Ивановым, С. И. Руденко (в связи с семинарием по музееведению), Е. А. Лютер. В Этнографическом Отделе велись семинарские занятия со студентами Ленинградского Университета: С. И. Руденко и Г. А. Бонч-Осмоловским по музееведению, Н. П. Гринковой — по материальной культуре великорусов, П. П. Ефименко — по русским древностям, Б. Г. Крыжановским — по украинской этнографии, С. А. Теплоуховым — по палеоэтнографии. Кроме того научным персоналом Этнографического Отдела были проведены занятия в организованном Музеем семинарии для преподавателей географии в Трудовых школах и в семинари, организованном для преподавателей географии Центральным домом работников просвещения. В Историко-бытовом Отделе читались лекции и велись практические занятия по музееведению для слушателей Археологического Отделения Ленинградского Университета, Коммунистического Университета имени Зинovieва и слушателей Института Истории Искусств.

Число посетителей Музея за истекший год значительно возросло. В 1924 г. их было 113.813, в 1925 году 144.942, из них 66.899 экскурсантов (3211 экскурсий) и 75.918 отдельных посетителей.

Отсутствие средств почти совершенно лишило Музей возможности делать приобретения. Тем большее значение имели поступления в дар. Музей считает долгом выразить глубокую признательность тем учреждениям и лицам, которые содействовали пополнению его собраний.

Не касаясь, за недостатком времени, работы вспомогательных учреждений Музея: библиотек, собрания рукописей, фотографических лабораторий, фотографических архивов, склада изданий, дезинфекционной камеры, необходимо несколько остановиться на деятельности реставрационных мастерских.

На реставрационную мастерскую Этнографического Отдела, и отчасти Художественного Отдела, выпала исключительно тяжелая работа в связи с наводнением 1924 года. Достаточно сказать, что в течение отчетного года чрез металлическую, скорняжную, мастерскую по химической чистке и прачечные, скульптурную, лепную и манекенную мастерскую Этнографического Отдела прошли свыше 21.000 предметов, часть которых требовала сложной реставрационной работы. Образцы этой работы были представлены на отчетной выставке Этнографического Отдела.

В реставрационных мастерских Художественного Отдела продолжались работы по ликвидации разрушений икон под влиянием тяжелых условий хранения их в минувшие годы, велись работы по реставрации ценнейших памятников древне-русского шитья, картин, работы по технической реставрации, по реставрации рам и мебели художественного значения.

Сообщенные данные дают основания для выводов, насколько современная жизнь, с ее запросами и требованиями, входит в Музей и насколько Музей шел по пути удовлетворения этих запросов и требований современной научной мысли.

Горячее обсуждение вопросов музейного строительства вообще и в частности Русского Музея в печати и разного рода заседаниях и совещаниях учреждений и организаций, иногда, казалось бы даже далеко отстоящих от музейной работы, наглядно свидетельствует, что музеи становятся органической частью современной жизни, а в этом нельзя не усмотреть залога их дальнейшего развития и преуспеяния.

II.

СОВЕТ МУЗЕЯ.

В течение 1925 г. Совет Государственного Русского Музея состоял из следующих лиц: Председатель Совета Директор Музея Н. П. Сычев, члены Совета по избранию: академик В. В. Бартольд, А. Н. Бенуа, профессор А. И. Заозерский, академик Н. П. Лихачев, академик Н. Я. Марр, академик С. Ф. Ольденбург, академик С. Ф. Платонов, Н. Э. Радлов, С. Н. Троицкий, С. П. Яремич; члены Совета по назначению: П. А. Мансуров

(до июля), Н. Н. Пунин (с июля); члены Совета по должности: А. П. Бараников, В. В. Воинов, П. П. Ефименко, Д. А. Золотарев, А. П. Иванов, Б. Г. Крыжановский, Н. Е. Лансере, А. А. Макаренко, А. А. Миллер, П. И. Нерадовский, Н. А. Околович, М. Д. Приселков, С. И. Руденко, А. Н. Самойлович, А. К. Сержпутовский, А. П. Смирнов, Н. П. Сычев, С. А. Теплоухов, М. В. Фармаковский, Н. П. Черепнин, П. Н. Шеффер.

Совет Государственного Русского Музея, являясь высшим органом, направляющим научно-художественную деятельность Музея, рассматривал вопросы и дела, касающиеся всего учреждения, и согласовал деятельность его Отделов. В числе других Советом Музея были рассмотрены вопросы: о планах научной деятельности Отделов, работе Отделов, устройстве временных и переустройстве постоянных выставок, участии Музея в Международной выставке декоративных искусств в Париже, участии Музея в отчетной выставке Главнауки и ее учреждений, участии Музея в юбилейных торжествах Академии Наук СССР, передаче в ведение Русского Музея Шереметевского особняка, об археологических коллекциях Монголо-Тибетской экспедиции Государственного Русского Географического Общества, реставрационных работах в связи с ликвидацией последствий наводнения, порядке предоставления художественных предметов из Русского Музея в другие музеи, выдаче предметов из Русского Музея в музеи и др. государственные учреждения для временного хранения и изучения, утверждении плана издательства, порядке представления рукописей для печатания, разрешении изданий к печатанию, экспедициях и научных командировках, избрании членов Совета и лиц научного персонала, порядке заграничных командировок и др.

В течение года состоялось два открытых заседания Совета Музея: 16 мая и 30 декабря. На первом Ученым Секретарем Н. П. Черепнинным было сделано сообщение о деятельности Музея в 1924 г. и Помощником Хранителя А. П. Ивановым произнесена речь: И. Е. Репин, как живописец; на втором — Хранителем А. А. Миллером сделано сообщение о Международной выставке декоративных искусств в Париже и участии в ней Государственного Русского Музея.

III.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ ¹.

Состав Совета Художественного Отдела к 1 января 1925 года был следующий: Председатель Совета Заведующий Художественным Отделом, Хранитель Отделения нового русского искусства, П. И. Нерадовский; члены Совета по избранию: А. Н. Бенуа, Н. Е. Лансере, академик Н. П. Лихачев, Н. Э. Радлов, С. П. Яремич; члены Совета по должности: Директор Музея, Хранитель Отделения древне-русского искусства Н. П. Сычев, Хранитель Отделения рисунков и гравюр В. В. Волнов.

¹ Сост. Заведующим Художественным Отделом.

Заведующий Реставрационным Делом Художественного Отдела Н. А. Околович, Ученый Секретарь Музея Н. П. Черепнин, Помощники Хранителя: А. П. Иванов и А. П. Смирнов; Ассистенты: К. Е. Костенко, Е. А. Лютер и Е. К. Мроз. Член Совета по назначению от Ленинградского Отделения Главнауки П. А. Мансуров; Секретарь Совета Художественного Отдела Н. А. Пыпин. В течение отчетного года П. А. Мансуров выбыл из состава Совета и на место его распоряжением Заведующего ЛОГ назначен Н. Н. Пунин.

Совет Художественного Отдела имел в течение года 25 заседаний. Внимание Совета было направлено, кроме текущих дел, главным образом, на руководство деятельностью Отдела, на осуществление плана работ, на вопросы, связанные с хранением коллекций, пополнением собраний и его просветительной деятельностью, а также на вопросы организационного характера, среди которых необходимо отметить вопрос о проекте «Положения о Реставрационной Мастерской».

Особое внимание Совета было также уделено: 1) вопросу по устройству постоянной выставки Отделения нового русского искусства и связанному с этой выставкой вопросу о расширении помещения, 2) устройству большой юбилейной выставки Репина, выставки древне-русского шитья и открытию выставки Рокотова; 3) вопросу об издании ко дню открытия выставки Репина книги со статьей о Репине и иллюстрированным каталогом выставки и об издании к открытию выставки Рокотова листовки с вступительной статьей и каталогом; 4) передаче картин провинциальным музеям: Западно-Сибирскому Краевому, Эриванскому, Новгородскому, Чеченскому, Полторацкому и Тверскому; 5) вопросу о постоянной выставке коллекций русского прикладного искусства XVIII и XIX вв.; 6) устройству выставки произведений Сурикова по случаю истекающего в 1926 г. десятилетия со дня его смерти; 7) вопросу о реставрации стрелецких знамен из Артиллерийского Музея и большой картины Сурикова «Стенька Разин»; 8) вопросу о срочном распределении коллекций хранения на две группы: а) картин, необходимых для пополнения собраний самого Художественного Отдела, и б) картин, подлежащих передаче в Государственный Музейный фонд; 9) вопросу о получении для выставки Рокотова в Русском Музее ряда произведений Рокотова из Третьяковской Галереи; 10) вопросу о передаче в Художественный Отдел гравюр и рисунков из Библиотеки Академии Художеств; 11) вопросам о переустройстве Византийского зала в Отделении древне-русского искусства и смежного с ним большого Новгородского зала.

Вопросы, соединенные с деятельностью каждого из Отделений, обсуждались в Совещаниях Отделений, в состав которых входил весь научный персонал Отделения. Отделение древне-русского искусства за отчетный год имело пять организованных Совещаний по вопросам Отделения, кроме ряда Совещаний рабочего характера Хранителя с сотрудниками Отделения. Совещания Отделений нового русского искусства и рисунков и гравюр в отчетном году собирались по мере накопления более

крупных вопросов, касавшихся работы Отделений по инвентаризации, каталогизации и др., а также в связи с задачами, выдвигаемыми постоянной выставкой, работами и вопросами, связанными с устройством временных выставок.

При Совете Художественного Отдела в 1925 г. работали следующие Комиссии: 1) Комиссия по реставрации памятников древне-русского искусства; 2) Комиссия по реставрации произведений нового русского искусства; 3) Инвентарная Комиссия; 4) Комиссия по устройству выставки современного искусства; 5) Библиотечная Комиссия; 6) Совещание Хранителей.

Личный состав Художественного Отдела к началу отчетного года был следующий: Заведующий Художественным Отделом П. И. Нерадовский.

Отделение древне-русского искусства.

Хранитель Отделения, Директор Государственного Русского Музея, Н. П. Сычев, Помощник Хранителя А. П. Смирнов, Ассистент Е. А. Лютер, Научные Сотрудники: Л. А. Дурново, В. И. Лесючевский, Н. В. Малицкий.

Отделение нового русского искусства.

Хранитель Отделения, Заведующий Отделом, П. И. Нерадовский, Помощник Хранителя А. П. Иванов, Ассистент Е. К. Мроз, Научные Сотрудники: М. С. Коноплева, Н. С. Платонова, Г. М. Преснов, Е. А. Рост, Н. В. Тревер.

Отделение рисунков и гравюр.

Хранитель Отделения В. В. Воинов, Ассистент К. Е. Костенко, Научные Сотрудники: О. Г. Алексеева, И. А. Гальбек, В. А. Гельстрем, И. В. Мончадская, З. М. Серебренникова.

Реставрационная Мастерская.

Заведующий Реставрационным Делом Н. А. Околович, Помощник Заведующего А. И. Кудрявцев, Реставратор по новой живописи И. И. Васильев, Реставратор по древней живописи М. М. Тюлин, Помощники реставратора по древней живописи: И. Я. Челноков, Н. И. Юрин, Н. С. Благовещенская, А. Н. Суворова, Н. В. Исаченко, по шитью М. И. Покровская, по реставрации памятников из дерева Я. И. Уткин. Внештатные Помощники реставратора: по ювелирному делу В. Ф. Клейн и по рамочному делу П. А. Жессель.

Фотографическая Лаборатория.

Фотограф В. Г. Бессонов.

Библиотека.

Старший Помощник Библиотекаря Ю. П. Алехнович, Научный Сотрудник Т. С. Митропольская.

Фототека.

Научный Сотрудник О. Ф. Таубе и Научно-технический Сотрудник С. Г. Лобус.

Вообще по Отделу: Научный Сотрудник В. К. Станюкович, Научно-технический Сотрудник Ф. Ф. Бодунген, Научные Сотрудники вне штата: Н. А. Пыпин, М. К. Каргер, Ю. С. Олив, А. П. Остроумова-Лебедева, Д. И. Митрохин, А. А. Врубель, В. В. Гельмерсен, А. А. Турыгин.

За отчетный год в личном составе произошли следующие изменения скончался Реставратор по древней живописи М. М. Тюлин, Научный Сотрудник В. К. Станюкович выбыл из состава Художественного Отдела и на его место избран А. А. Турыгин.

Работа по постоянной выставке. В Отделении древне-русского искусства согласно плану, утвержденному Советом Художественного Отдела, выполнено переоборудование и новая развеска памятников византийского, итало-греческого и поздне-греческого искусства в зале XVII, в связи с научными требованиями их размещения в хронологическом порядке и на основании данных эволюции художественных форм и стилей в различных географических районах. Выделены в особые группы памятники византийские XI—XIII вв., школы эпохи Палеологов, школы балканские, так называемые итало-критская, в ее византизирующем и итальянизирующем аспектах, и поздне-греческие школы. Начата и продолжается по плану, утвержденному Советом Художественного Отдела, работа по переоборудованию на тех же принципах материалов зала XVIII, отведенного для экспозиции памятников древне-русской живописи XIII—XV вв. и прикладного искусства (резьба по кости, дереву, камню, произведений литья, чеканного, сканного и басменного дела). В зале XXI произведена частичная перевеска материалов в связи с новыми поступлениями произведений кисти Симона Ушакова. В двух витринах дается иллюстрация эволюции в творчестве этого выдающегося мастера-новатора середины XVII в.

В Отделении нового русского искусства продолжались работы по развитию и усовершенствованию постоянной выставки. В течение последних двух лет, в виду поступления в Художественный Отдел произведений русской живописи и скульптуры из б. Музея Академии Художеств, в высшей степени ценных по своему художественному и историческому значению, перед Отделением стояла неотложная задача возможно скорее выставить их для обозрения.

Выполнить в полном объеме эту задачу будет возможно только после расширения выставочных помещений Отдела, путем переустройства старого

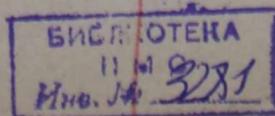
флигеля Росси; особенно тесны для экспозиции те выставочные залы главного здания, где размещаются коллекции художников, начиная со второй половины XIX в. Поэтому в настоящее время приходится экспозицию художественных произведений как из б. Музея Академии, так и других, включенных в план постоянной выставки и не выставляемых из-за тесноты помещения, осуществлять лишь в том масштабе, в каком это допускает место в открытых для посетителей залах. С этой целью в 1923 и 1924 годах Отделением произведены очень значительные работы по развеске и расстановке в выставочных залах произведений живописи и скульптуры, главным образом из числа переданных из б. Музея Академии. В отчетном году работы эти продолжались. При этом произведены частичные пополнения в развеске картин и в расстановке произведений скульптуры и связанные с ними перевеска и перестановка. В зале первой половины XVIII века помещены произведения Никитина и Матвеева; в кабинете, примыкающем к этому залу, картины иностранцев, работавших в России: Деляньера, Каравакка, Лагрена, Перезинотти и в следующем зале произведения Гроота, Лагрена и Торелли. Выставлены также новые портреты работы Макарова, произведены перемены в экспозиции коллекций передвижников, при чем вновь повешены картины Ф. Васильева, К. Лебедева, Лемоха, Морозова и приобретенная ЛОГ картина И. М. Прянишникова— «Любитель» и др.

В угловом зале, на освободившихся местах, после взятия отсюда на выставку Репина Репинских картин, размещены временно картины передвижников: В. Маковского, Журавлева, Ярошенко, Наумова, Мясоедова, М. Клодта, Мешкова, Савицкого, Касаткина и др., а также два пейзажа Судковского. В следующих залах вновь выставлены картины Нестерова и Левитана. Коллекция произведений художников «Мир Искусства» пополнилась портретом С. П. Дягилева, раб. Бакста, портретом Д. В. Стасова, раб. Серова, полученным в Музей при посредстве И. И. Рыбакова, картиной «Радуга» Сомова, принесенной Музеем в дар А. П. Боткиной, картиной Кустодиева «Купчиха», произведениями Сапунова, Грабаря, К. Коровина, Савинова, и зал современного искусства—произведением П. Н. Филонова. Вновь повешено, таким образом, до 70 картин.

Из скульптурных произведений вновь установлены: на верхней площадке вестибюля—Мартоса «Памятник в. к. Александре Павловне» (мрамор) в XXIX зале—2 бронзовых бюста, раб. Шубина, в XXX зале—бронзовая группа Козловского. Кроме того произведены частичные перестановки скульптурных вещей, часто весьма тяжелых, каковы, напр., 2 больших гипсовых статуи, раб. Пименова и Логановского в XXIV зале.

В отчетном году продолжалась работа по снабжению выставленных произведений живописи и скульптуры картушами с обозначением их названий и имен их авторов. К выставленным в залах Галлерей рисункам и акварелям изготовлены и прикреплены этикетки.

В отчетном году уделено было особое внимание коллекциям нового декоративного искусства, которые по обширности и разнообразию своего

состава правильнее было бы выделить в особое Отделение с присущими ему особыми заданиями и, одновременно, ближайшим образом организационно слитое с Отделением новой русской живописи и скульптуры. Коллекции нового русского декоративного искусства представляются, вместе с коллекциями древне-русского декоративного искусства, неотделимым материалом в собрании Художественного Отдела, поскольку заданием его является собирание вещественных памятников, характеризующих историю русского искусства в целом. Произведенные до сего времени в этом направлении работы являются совершенно недостаточными, и перед Художественным Отделом стоят трудные задачи по разрешению вопросов экспозиции коллекций русского декоративного искусства, по привлечению необходимых новых материалов и по организации связанных с этими задачами работ.

В течение 1925 г. произведены значительные работы по дальнейшему приведению в порядок коллекций запаса и продолжались работы по систематизации их. Произведена развеска мозаик, гобеленов и картин в двух комнатах за залом заседаний Совета и развеска картин на паперти б. церкви и в сенях перед антресолями. На антресолях размещено значительное количество картин на поперечных щитах, установленных здесь в главном коридоре. Произведены частичные перевески и пополнения в коридоре за Брюлловским залом, в двух рабочих кабинетах и на стенах антресолей.

В отчетном году приступлено к систематизации коллекций нового русского декоративного искусства, в том числе коллекций художественного фарфора, которые размещены в стеклянных витринах в одном из запасных помещений, вместе с коллекциями русских шпалер и мозаик.

В течение года велась обычная большая работа по осмотру и отбору для Художественного Отдела предметов из Государственного Музейного Фонда и других учреждений, по их приему, составлению актов, разборке и регистрации коллекций, поступивших на хранение, и по систематизации этих коллекций (принято свыше 4.800 предметов). Проведена регистрация всех предметов художественной обстановки, поступившей в Отдел с 1917 года (зарегистрировано свыше 900 предметов). Шестью практикантами, слушателями Института Истории Искусства, под руководством Ассистента Художественного Отдела Е. К. Мроз, выполнена работа по описанию картин, входящих в состав коллекций и поступивших после 1917 года; ими составлены карточки для 500 с лишним картин. Производились работы по пересмотру коллекций хранения и разделению входящих в их состав художественных произведений на три категории: 1) вещей, необходимых для пополнения собраний самого Отдела, 2) вещей, подлежащих передаче в Государственный Музейный Фонд и 3) произведений русских художников, предвзначенных для пополнения некоторых провинциальных музеев. Аналогичная работа велась и по Отделению древне-русского искусства, где собрание б. Древлехранилища Александро-Невской Лавры (иконы и их убранство) распределено по категориям на: 1) памятники, относящиеся к заданиям Отделения, 2) памят-

ники, относящиеся к заданиям Отделения нового русского искусства, и 3) памятники, подлежащие передаче в Государственный Музейный Фонд.

Последние работы вызваны необходимостью учесть точно в срочном порядке весь свободный запасный фонд Художественного Отдела, главным образом, картины и акварели, в виду последовавших в течение года передач ряду областных и провинциальных музеев художественных произведений из запасов Отдела. Отобраны и переданы картины следующим музеям: Севастопольскому, Западно-Сибирскому Краевому, Эриванскому, Новгородскому и Полторацкому (всего около 150 вещей); кроме того отобраны картины для музеев: Чеченской Области, Тверского и дополнительно для Новгородского. В большинстве случаев отбор вещей производился с расчетом, чтобы составляемый комплекс картин, включая в свой состав образцы произведений различных эпох и направлений в истории нового русского искусства, мог стать основным ядром будущего собрания данного музея или же существенно пополнить имеющееся уже собрание. Значительные затруднения при этих работах возникали вследствие того, что планомерность их часто нарушалась спешностью осуществления в силу особых распоряжений.

За отчетный период выполнена также значительная работа по передаче художественных произведений в другие учреждения; так было передано в Гатчинский дворец свыше 100 картин; на выставку Историко-бытового Отдела в Петровском дворце в Летнем Саду Отделением древне-русского искусства передано 63 предмета петровской эпохи; в Государственный Эрмитаж передано свыше тысячи листов гравюр и рисунков из коллекции В. Е. Маковского.

Временные выставки. В течение года продолжала быть открытой для обозрения «Выставка произведений Строгановской школы». Открыта 28 декабря 1924 г. «Юбилейная выставка акварелей, рисунков, литографий и офортов Репина» продолжалась до 21 апреля 1925 г.

Выставка Репина. Исполнившееся в августе 1924 г. 80-летие со дня рождения И. Е. Репина Совет Художественного Отдела постановил отметить устройством обширной юбилейной выставки его произведений. Такая выставка, по самой обширности своей необходимо связанная с большими техническими затруднениями, требовала значительных денежных средств, и уже к декабрю выяснилось, что, в виду недостатка этих средств, потери времени в связи с ликвидацией последствий наводнения, ряда других неотложных работ и краткости остающегося до конца года срока, осуществить выставку в намеченном масштабе в 1924 году не удастся. Поэтому Совет Художественного Отдела постановил разделить выставку на две части. Первая часть, «Юбилейная выставка акварелей, рисунков, литографий и офортов Репина», открыта была 28 декабря, и ею юбилей мастера ознаменован в юбилейном же 1924 году. Тем временем продолжались подготовительные работы и собирание материала для второй, более обширной части юбилейной выставки, которая должна была представить Репина, как живописца.

Для устройства этой выставки был выбран большой XXV зал. В начале мая зал закрыт для посетителей, и приступлено к работам по устройству. Выставленные здесь большие картины (за исключением репинских) сняты со стен и приставлены к восточной стене зала, куда передвинуты и две стоящие посредине зала тяжелые скульптурные вещи; после чего восточный конец зала был задрапирован. Расстановкой перпендикулярно к стенам щитов достигнуто расчленение обширного XXV зала на сравнительно замкнутые, обособленные друг от друга отделы. Доставлена из Музея Революции большая картина «Государственный Совет» и из б. Мариинского Дворца ее громадная, необычайно тяжелая рама. Разборка рамы на месте и перевозка ее в разобранном виде, затем собиранье рамы и повеска вставленной в нее картины была одной из наиболее трудных работ, связанных с выставкой. Как самая развеска картин, так и другие технические работы по выставке производились музейно-техническим персоналом Художественного Отдела. Открытие выставки состоялось 30 мая. Собранные произведения Репина на выставке разделены на 6 групп, главным образом, по признаку их содержания: в первую — входят произведения академической поры художника, во вторую — его большие и сложные композиции с относящимися к ним эскизами; третья — может быть названа группой крестьянского, а четвертая — группой городского жанра; пятую — составляет «Государственный Совет» с многочисленными к нему этюдами, а к шестой, самой обширной группе, отнесены портреты. Ко дню открытия выставки Русским Музеем выпущена книга, содержащая статью о творчестве Репина, и иллюстрированный каталог выставки. На выставке собрано 178 произведений Репина: картин — 129, акварелей и рисунков — 47 и два скульптурных его произведения. Кроме вещей Репина выставлены 3 живописных и 3 скульптурных изображения мастера работы других художников. Из выставленных произведений Репина временно предоставлены на выставку от различных учреждений и частных лиц 20 вещей, в том числе 3 картины, доставленные после открытия выставки и поэтому не вошедшие в печатный каталог.

Выставка хорошо и полно освещает творчество Репина как в целом, так и во всех отдельных фазах его развития; живописные произведения мастера могут быть удобно сравниваемы с выставленными здесь же графическими и даже скульптурными его работами. Большой интерес для исследования развития Репина представляет собрание самых ранних его работ, указывающих на влияние французского импрессионизма или скорее на параллельные импрессионизму искания русского художника¹.

Выставка имела выдающийся успех, о чем свидетельствует приведенное ниже число ее посетителей. 14 июня группа художников, членов Общества имени Куинджи, устроила на выставке чествование И. Е. Репина; были произнесены речи о значении его, как художника

¹ Подробнее см. А. П. Иванов. И. Е. Репин. Лгр. 1923.

и преподавателя, и в заключение на выставленный здесь портрет художника возложен венок.

Выставка Рокотова. Выставка произведений Рокотова, собранная и развешанная еще в сентябре 1924 г., не могла быть тогда открыта в виду наступления холодного времени и неисправного состояния печей. В августе отчетного года произведен ремонт печей в помещении выставки в старом флигеле Росси, и выставка открыта 5 сентября. Она занимает 5 комнат. В первых трех размещены в хронологической последовательности произведения самого Рокотова; в четвертой — копии с него и картины его школы; в пятой — гравюры XVIII столетия с произведений Рокотова и многочисленные современные репродукции с его картин. Ко дню открытия Русским Музеем издана листовка со вступительной статьей и каталогом выставки. На выставке сосредоточено 80 картин и одна шпалера XVIII в.; из них около 50 вещей временно предоставлены на выставку различными учреждениями. Собранный на выставке Рокотова материал дает возможность путем его сопоставления выяснить с большей, чем раньше, полнотою художественный облик этого выдающегося, но до сих пор мало изученного, русского мастера и при обследовании вопроса о приписываемых ему произведениях систематизировать весь имеющийся материал. Выдающийся художественный и научный интерес выставки повысится еще более после того, как она будет пополнена доставленными в самом конце отчетного года из Государственной Третьяковской Галереи 14 первоклассными работами Рокотова¹.

В отчетном году продолжались подготовительные работы по выставке древне-русского шитья; велась систематика предметов шитья и подготовлен макетаж для выставки.

Командировки. Предполагавшаяся по Отделению древне-русского искусства экспедиция в Северный Край не состоялась за отсутствием средств. По Отделению были следующие командировки: 1) Помощник Хранителя А. П. Смирнов — в г. Петрозаводск с 9 по 14 февраля для переговоров от имени Государственного Русского Музея с Карельским Краевым Музеем о возможном обмене музейными предметами между последним и Художественным Отделом, а также для изучения вывезенных в 1918 году в Петрозаводск из Александро-Свирского монастыря предметов древне-русского серебряного дела. О результатах поездки представлен доклад в Совет Художественного Отдела; 2) Ассистент Е. А. Лютер, в связи с изучением памятников древне-русского шитья (специально шелкового шитья XV—XVI вв. и лицевых покровов), была командирована в Новгород с 18 по 25 июля. О результатах своих наблюдений Е. А. Лютер представила доклад; 3) Научный Сотрудник Л. А. Дурново имела командировку в Новгород для просмотра предметов древне-русского искусства в новгородских музейных хранилищах; 4) Научный Сотрудник

¹ Подробнее см. Е. К. Мроз. Выставка произведений Ф. С. Рокотова. Лгр. 1925. Каталог выставки произведений Ф. С. Рокотова. Лгр. 1925.

вне штата М. К. Каргер с 15 июля по 1 сентября был командирован в города Владимирско-Суздальского Края и в Крым (Феодосию и Судак), где изучал памятники древне-русского и византийского искусства.

По Отделению нового русского искусства состоялись командировки Хранителя Отделения П. И. Нерадовского: одна в Москву и Тверь и две в Москву. В Москве: 1) по ознакомлении с Московским Госфондом отобраны картины и другие предметы искусства, которые могли бы быть переданы в Художественный Отдел Русского Музея; 2) велись переговоры о передаче произведений Рокотова из Третьяковской Галереи на выставку Рокотова в Русском Музее; 3) изучались юбилейная выставка Репина в Третьяковской Галерее и собрание рисунков б. Цветковской Галереи. В последнюю командировку в Москву, состоявшуюся в декабре, П. И. Нерадовским доставлены из Третьяковской Галереи 14 картин Рокотова. В Твери изучены в Городском Музее 4 пейзажа ученика Венецианова, Г. Васильева, и 2 иконы 1824 г. из Единоверческого монастыря: «Преподобная Феодора» и «Смерть Праведника».

В конце августа и сентябре Хранителем Отделения П. И. Нерадовским и Научным Сотрудником Г. М. Пресновым с целью как учета, так и хранения, произведено обследование скульптуры в Петергофе, Знаменке, Стрельне, даче Орлова, в Слуцке (Павловский дворец и б. Поляковская дача) и Детском Селе (дворец с Нижним парком и Шуваловская дача). Кроме того П. И. Нерадовским летний отпуск по личному почину был использован для обследования собраний Петергофского Дворца и отбора здесь свыше 50 художественных предметов для Отдела, которые осенью и доставлены в Русский Музей.

По Отделению рисунков и гравюр Хранитель Отделения В. В. Воинов находился с 1 по 15 апреля в научной и служебной командировке в Москву, где занимался в б. Цветковской галерее и других музеях по истории рисунка русских художников и доставил в Художественный Отдел картину Сарьяна «Пестрый пейзаж», отобранную им по поручению Совета Художественного Отдела и переданную Отделу в дар от Государственного Музея Армении.

Число предметов и поступления. Число предметов, находящихся в Отделе к 1 января 1925 г., распределяется следующим образом:

По Отделению древне-русского искусства	8.187
» » нового русского искусства	3.648
» » рисунков и гравюр	47.089
Предметов, поступивших из разных учреждений, по всем трем Отделениям	31,297

Всего . . 90.221

За отчетный год включено в инвентарь Художественного Отдела 4.403 предмета.

По Отделению древне-русского искусства принесены в дар шитая пелена и икона; приобретено Музеем 2 иконы. Передано через Музейный Фонд с включением в инвентарь: 1 икона и 1 крест, всего 6 предметов.

Среди них наиболее ценными являются: замечательное произведение С. Ушакова «Троица» и выносной крест из Суворовской Кончанской церкви (переданные через Музейный Фонд), шитая пелена (воздух) XV в (дар А. Н. Павловича) и икона Богородицы (дар Ф. Н. Пуговишника).

По Отделению нового русского искусства принесено в дар: 7 картин, 1 скульптура, 1 миниатюра и 1 вышивка; приобретено Музеем: 2 картины, 3 скульптуры, 5 миниатюр; приобретено ЛОГ для Художественного Отдела: 4 картины и 1 скульптура. Внесено в инвентарь предметов из б. Музея Академии Художеств: 410 картин, 212 скульптурных произведений и 7 миниатюр; внесено в инвентарь из предметов ранее переданных на хранение: 1 картина.

Передано из других учреждений для включения в инвентарь Художественного Отдела: из Музейного Фонда 1 картина; из Московского Госфонда 1 картина; из Шуваловского особняка 1 скульптура; из Петергофского Дворца 27 картин; всего внесено в инвентарь 685 предметов.

Из этих предметов наиболее ценными являются принесенные в дар Музею: «Старуха бретонка», бронза (от Общ-ва Поощрения Художеств), «Пестрый пейзаж» Сарьяна (от Гос. Муз. Армении); из вещей, приобретенных для Художественного Отдела Ленинградским Отделением Главнауки: «Площадь города» Воробьева, «Портрет И. И. Шишкина» Репина, «Балаганы» А. Попова, «Игра в шашки» — школы Венецианова и скульптура из дерева Кузнецова; из приобретенных Музеем: «Гумно» — школы Венецианова, «Портрет Челищевой» (м. к.) Макарова, фарфоровое блюдо Фарфорового Завода (росп. Чехониным) и 2 фарфоровые фигурки Матвеева; из переданных в Отдел через Музейный Фонд: «Портрет Оболенской» Макарова (м. к.), «Памятник в. к. Александры Павловны» Мартоса, мрамор (из б. Шуваловского Особняка), «Купчиха» Кустодиева, темп. (передана Московск. Госфондом).

По Отделению рисунков и гравюр принесено в дар 303 листа, приобретено Музеем 266, передано из Государств. Музейного Фонда 3.143; всего 3.712 листов.

Среди принесенных в дар особенно ценными являются: акварель П. П. Соколова (от В. С. Кривенко), акварельн. портрет раб. неизвестного (от В. А. Рышкова); рисунки тушью Нарбута (от Типографии имени Ивана Федорова); рисунок Александра Бенуа (от В. А. Сазонова); линогравюра А. И. Кравченко (от В. В. Войнова); гравюра на дереве А. П. Остроумовой-Лебедевой (от самой художницы); литография Г. С. Верейского (от самого художника); две цветные литографии В. М. Конашевича (от самого художника); гравюры на стали (от О. Г. Алексеевой); офорты В. Е. Маковского (от Я. М. Каплана); литография Г. Верейского (от П. Е. Корнилова); офорт Фравка (от О. Ф. Таубе); фотомеханические

оттиски (от П. И. Нерадовского, С. В. Чехонина, В. А. Гельстрем и группы служащих Государственного Русского Музея).

Среди вещей, переданных из Государственного Музейного Фонда и приобретенных Музеем, особенно ценными являются акварель раб. П. Ф. Соколова, рисунки Репина «Автопортрет» и «Старик»; «Старуха» рис. Кипренского; рис. Шебуева «Св. Иероңим»; среди листов из б. коллекции В. Е. Маковского имеются рисунки и акварели Карла и Ивана Брюлловых, Егора, Константина и Владимира Маковских, рисунки Федотова, а также много ценных листов-гравюр и литографий, между которыми следует указать на удачные листы Уткина, Иордана, Галактионова, Чемесова, Моргана, Радича, Г. Ф. Шмидта, Олещинского, Вортмана, Качалова, А. Егорова, В. Маковского, Серякова, Репина, Сандомура, Ал. Брюллова, Гампельна, Кипренского и др.

Вновь поступило на хранение 4.804 предмета. Среди них заслуживают внимания: предметы древне-русского искусства из Александро-Свирского монастыря; поступившие из Гатчинского Дворца иконы собрания Постникова, 11 картин, в том числе ряд портретов петровской эпохи, и 2 бронзовых скульптуры Трубецкого; из Государственного Эрмитажа 51 картина, в том числе ряд ценных портретов XVIII в.; 3 картины Заряико — из Пушкинского Дома; из Гос. Муз. Фонда — многочисленные предметы древне-русского искусства и ряд произведений скульптуры; акварели, рисунки и миниатюры из б. Шуваловского особняка; Деисус XIV в. из Шереметевского дома; картины, акварели и рисунки из Юсуповского дома; 2.707 предметов из б. Музея при АРХО Ф. О. Н. Ленинградского Государственного Университета.

Инвентаризация и каталогизация. В Отделении древне-русского искусства продолжалась, начатая в 1924 г., работа по инвентаризации коллекций. Вещи получали инвентарно-охранное описание и новые инвентарные номера. Занесено таким образом 2.449 предметов. Параллельно шли работы по систематике инвентаризируемых предметов и их каталогизации. Произведено переустройство хранения в 44 запасных шкафах, при чем в результате планомерного распределения предметов удалось добиться того, что освободилось 17 шкафов и 8 полок для принятия и распределения вновь поступающих коллекций. Велись работы по составлению систематических указателей по финифти и систематического каталога по медному литью (иконки); подготовлены к новой инвентаризации описи хранящихся в Отделении предметов оловянного изделия. Проведено взвешивание ценностей, хранящихся в Художественном Отделе.

В Отделении нового русского искусства продолжалась работа по инвентаризации картин, пастелей, миниатюр и скульптуры; в временную инвентарную книгу вновь внесено 740 номеров (с № 2076 по № 2815). Вновь составлены инвентарные карточки с описанием композиций и указанием других данных для 645 картин. Велись работы по нанесению новых инвентарных номеров на картины и скульптурные произведения; до 1 января 1926 г. нанесены номера на 1.800 картинах.

Продолжались, в связи с включением в инвентарь новых предметов, работы по составлению систематического карточного каталога картин, пастелей, миниатюр и скульптуры: 1) по порядку инвентарных номеров, 2) по художникам (в алфавитном порядке имен) и 3) по помещениям. Продолжалась такая же работа по составлению карточного каталога портретов (по именам изображенных лиц). Всего за отчетный год составлено свыше 2.000 карточек.

В Отделении рисунков и гравюр продолжалась работа по инвентаризации рисунков и гравюр. Закончена переписка рисунков из старых сводных инвентарных книг; всего написано 5 томов. Начата работа по переименованию инвентаря секции рисунков. Подготовлены к занесению в инвентарь (описание листов, справки по имеющимся печатным материалам): польские медали (гравюры резцом) — 467 листов, коллекция Щедриных — 367, коллекция Плюшкина — 2515, коллекция модных картинок — 3.164 лист. Закончена работа по рисункам и гравюрам коллекции В. Е. Маковского — 1.713 листов. Проверена и обмерена коллекция рисунков и акварелей Гагарина — 1.861 лист; проверены акварели и рисунки, находящиеся на постоянной выставке. Продолжались работы по составлению систематического карточного каталога гравюр и рисунков, начатому в 1923 году; в отчетном году составлено около 2.300 карточек.

Передача. В течение отчетного года в другие музеи и государственные учреждения переданы из Художественного Отдела: в Музей Революции — К. Маковский, «Суд над первомайцами» (аквар.); в Государственный Эрмитаж — Д'Эпинэ, «Ангел» (мрамор); Пихлер — резной камень; в Севастопольский Музей — 34 картины; в Государственный Музей Армении — 23; в Западно-Сибирский Краевой — 36; в Новгородский — 44; в Полторацкий — 10.

Переданы временно на выставки: в Историко-бытовой Отдел Русского Музея на выставку купеческого быта — копия с картины Федотова «Сватовство майора»; на выставку в Летнем дворце — 11 картин начала XVIII в. и 63 различных предмета; в Географический Музей (на выставку) — 14 картин, пейзажи географического значения; в Гатчинский Дворец — 103 картины; в Петергофский Дворец — 14 картин; в Пушкинский Дом — Монье, «Портрет декабриста Муравьева», Галкин, «Портрет Майкова», маска Н. Н. Страхова Кускова-Асенкова и Шаховской, «Вл. Соловьев» (горельеф); в Музей Академических Театров (на выставку) — Крамской, «Портрет Лавровской». Кроме того передана Ярославскому Музею картина Грабаря «Сирень и незабудки» в обмен на картину «Цветы и фрукты» того же художника.

Доклады, лекции и экскурсии. В течение отчетного года в Художественном Отделе прочтены доклады: Хранителем Сергиевского Музея А. Н. Свириным: «Образцы тканей Троицко-Сергиевского Музея»; В. С. Кривенко: «Воспоминания о художнике П. П. Соколове»; Научным Сотрудником Художественного Отдела П. А. Гальнбеком: «Техника золочения Лихачевских врат в собрании Государственного Русского Музея»; Научным Сотрудником Академии Художественных Наук Г. В. Жидковым:

«К характеристике русского академического классицизма»; Научным Сотрудником Художественного Отдела А. А. Турыгиным: «Воспоминания о И. Н. Крамском»; Хранителем Исторического Музея в Москве А. П. Мюллер: «О технике силуэта XVIII столетия». На закрытом заседании Отделения древне-русского искусства Научным Сотрудником Художественного Отдела Н. В. Малицким прочтено сообщение о новой книге Ch. Diehl'я «Constantinople» из серии «Villes d'art célèbres».

Лекционная работа в Художественном Отделе за отчетный год выразилась в следующем. По материалам Отделения нового русского искусства прочтен ряд лекций: 1) для студентов Ленинградского Государственного Университета: Хранителем Н. П. Сычевым — по живописной технике (в связи с семинарием в Университете) — 5 лекций; Помощником Хранителя А. П. Ивановым — 4 лекции (в связи с курсом «Истории новейшей русской живописи» в Университете и 1 лекция в связи с семинарием по «новому русскому искусству»); 2) для руководителей Экскурсионной Базы Губполитпросвета Ассистентом Художественного Отдела Е. А. Лютер — 10 лекций по новому и новейшему русскому искусству (в связи с семинарскими занятиями).

Посещаемость Художественного Отдела выразилась в следующих цифрах:

	Число отдельных посетителей	Число экскурсий	Число экскурсантов	Общее число
Январь	5.722	129	2.315	8.037
Февраль	4.101	149	2.869	6.970
Март	5.430	178	3.609	9.039
Апрель	3.838	149	2.773	6.611
Май	3.534	194	4.039	7.573
Июнь	3.741	96	1.932	5.673
Июль	2.366	57	1.187	3.553
Август	4.721	38	766	5.487
Сентябрь	5.407	63	1.339	6.746
Октябрь	4.217	95	1.954	6.171
Ноябрь	4.938	112	2.190	7.128
Декабрь	6.875	150	2.925	9.769
	54.890	1.410	27.924	82.814

По сравнению с предшествующим годом число экскурсий уменьшилось на 132, а число экскурсантов на 4.774 человека. С другой стороны число отдельных посетителей возросло на 18.376 человек.

Экскурсии, как и за предыдущий год, были самых разнообразных типов, начиная с воспитанников детских домов, красноармейцев и уча-

щихся школ I и II ступени и кончая слушателями высших учебных заведений и начинающими руководителями. Среди экскурсий были цикловые экскурсии учащихся в высших учебных заведениях, как местных, так и приезжих из Москвы и провинции.

Из общего числа 1410 экскурсий, 170 экскурсий, т.-е. 12%, приходится на долю учащихся в ВУЗ'ах и ВТУЗ'ах (численностью до 3.300 человек); они проведены были под руководством, отчасти сотрудников Музея, отчасти руководителей Экскурсионных Баз, отчасти преподавателей самих учебных заведений. ВУЗ'ы и ВТУЗ'ы были следующие: Университеты: Ленинградский Государственный, Национальных Меньшинов, Коммунистический имени Зиновьева. Институты: Лесной, Киевский Музыкально-драматический, Физико-Терапевтический, Усовершенствования врачей, Профессиональных заболеваний, Народного Хозяйства, Сельско-Хозяйственный, Социально-индивидуального воспитания, Сценических Искусств, Российский Институт Истории Искусства, Харьковский Технический, Педагогический имени Герцена. Академии: Военно-медицинская, Имени Толмачева, Социалистическая. Рабфаки Институты: Политехнического, Технологического, Путей Сообщения, Горного. Техникумы: Ленинградский Педагогический, Коотехникум, Индустриальный Политехникум, Бежецкий Профтехникум, Кустарно-Промышленный, Фото-Кино-Техникум, Новгородский Педагогический, Гомельский. Студия проф. Денисова, Семинарий проф. Бакушинского.

Помимо экскурсий, обзоревающих в общем порядке Художественный Отдел, специально Отделение древне-русского искусства посетило 23 группы в числе 193 человек.

Посещаемость временных выставок выражается в следующих цифрах:

	Выставка Резина.	Выставка Рокотова. (открылась 5 сентября).
Июнь	2.756	—
Июль	1.266	—
Август	1.624	—
Сентябрь	1.486	345
Октябрь	1.138	178
Ноябрь	1.122	105
Декабрь	2.038	110
	11.428	758

Художественный Отдел был открыт для обозрения три дня в неделю: по вторникам, четвергам и воскресеньям с 11 ч. утра до 4 ч. дня, а в темное зимнее время с 11-ти до 3-х часов.

Научная работа ученого персонала Отдела.

По Отделению древне-русского искусства.

Н. П. Сычев принимал непосредственное участие в издании Государственного Русского Музея «Фрески Спаса Нередицы» и напечатал в нем вступительную статью. Состоит: профессором Государственного Ленинградского Университета по кафедре истории материальной культуры России; членом Государственной Академии Истории Материальной Культуры, заведующим в ней разрядом русской живописи и состоя членом Правления и Председателем Совета III Отделения Академии; профессором Академии Художеств и членом Совета Общества социологии и теории искусств и руководителем работ по изучению нового русского искусства.

А. П. Смирнов состоит ассистентом Государственной Академии Истории Материальной Культуры, преподавателем по кафедре византийского искусства на Государственных Курсах при Государственном Институте Истории Искусства, доцентом сверх штата по кафедре материальной культуры восточного средневековья на ЯМФАК'е Государственного Ленинградского Университета и сверхштатным научным сотрудником I категории Государственного Института Истории Искусств.

Е. А. Лютер имела командировку в Новгород в связи с изучением памятников древне-русского шитья, руководила занятиями практикантов в Отделении. Состоит ассистентом при Музее Древностей ЯМФАК'а Ленинградского Университета.

Л. А. Дурново составила библиографию, схемы росписи и указатели к ним и к таблицам для изданного Русским Музеем труда «Фрески Спаса Нередицы»; вела практические занятия с сотрудниками и слушателями Государственного Института Истории Искусства по технике и копированию памятников станковой и фресковой живописи и со студентами Ленинградского Университета по технике музейного дела; имела командировку в Новгород. Состоит научным сотрудником Академии Истории Материальной Культуры и научным сотрудником Государственного Института Истории Искусства.

В. И. Лесючевский — работал по подготовке к печати статьи о «Змеевиках собр. Русского Музея». Состоит ассистентом ЯМФАК'а Ленинградского Университета.

Н. В. Малицкий работал над исследованиями, предметами которых были: 1) Херсонесский глиняный образец собр. Русского Музея с изображением св. Фоки и 2) икона Нерукотворенного образа собр. Русского Музея № 3045.

М. К. Каргер имел научную командировку по изучению памятников древне-русского и византийского искусства в городах Владимиро-Суздальского края и в Крыму.

По Отделению нового русского искусства.

П. И. Нерадовский заведывал Художественным Отделом и, по должности Хранителя, Отделением нового русского искусства. Состоял председателем Совета Художественного Отдела, членом Совета Историко-бытового Отдела и членом Правления Государственного Русского Музея, председателем Библиотечной Комиссии и вел работу в качестве члена комиссии по реставрационным вопросам Художественного Отдела; при этом особое внимание направлял на вопрос о выработке методов реставрации произведений нового искусства. Работал по изучению творчества Рокотова, Венецианова и его школы и рисунков русских художников XVIII и XIX вв., при чем им собраны новые материалы и подготовлены работы на эти темы. Принимал ближайшее участие в устройстве выставки Рокотова и Репина; собрал материал для этих выставок и др. Состоял членом Совета Государственного Эрмитажа, членом Совета Государственной Третьяковской Галлерей, членом Комиссии по Художественным Музеям Научно-Музейно-Библиотечной Секции ГУС'а и председателем Комиссии ГУС'а по обследованию Государственной Третьяковской Галлерей; по поручению Комиссии разработал и сделал доклад о состоянии Галлерей и о ее организации, как Музея Русского Искусства; состоял председателем Общества Поощрения Художеств и членом Комитета Популяризации Художественных изданий. Вел работу в качестве председателя Комиссии по вопросам современного искусства и председателя Комиссии по приобретению статуи В. И. Ленина для Художественного Отдела. Состоял ученым сотрудником Академии Истории Материальной Культуры, при чем принимал участие в работах по печатанию трудов 6. разряда нового русского искусства и в Библиотечной Комиссии Академии. Принимал ближайшее участие в работах Комиссии Экспертов, в качестве ее члена, по перерегистрации памятников искусства при ЛОГ; состоял членом комиссий: по постановке памятника В. И. Ленину у Финляндского вокзала в Ленинграде и в Комиссии Судей по рассмотрению проектов коммеморативного памятника на месте дуэли Пушкина в 1837 г. Напечатал в «Жизни Искусства» статью о Художественном Отделе, в «Красной Панораме» — «Нарбут» и сдал для печати статью «Нарбут и его книги для детей» в Государственное Издательство Украины. Был в командировке по обследованию памятников нового русского искусства в Москве, Твери, Сергиеве, Останкине, Кускове, Остафьеве, Петергофе, Стрельне, Слуцке и Детском Селе. Участвовал в Москве на выставке «Жар цвет», в Ленинграде на выставке «Общины Художников»; в течение отчетного года участвовал на следующих выставках в С. Америке: «Special Exhibition of the work of contemporary russian artists». Cincinnati Museum. March 8—29, 1925. «Exhibition of Russian Paintings» Portland Art Association «Museum of art». California. Oct. 17—15, nov. 1925. «Russian Art-Exhibition» Nineteenth century Club. Memphis, Tennessee, January, 8—29, 1925. «Russian Art-Exhibition» Los Angeles Museum of History of science and art. May 6—June 29, 1925. «Russian Art-Exhibition» Mattatuck Historical

Society, 9—31 Jan., 1925. «Russian Art-Exhibition» Lovis Piritz Dry Company Birmingham Alabama. 9—28 March. «Russian Art-Exhibition» New-York. 1924.

А. П. Иванов занимался изучением Репина и, в связи с ним, Сурикова и передвижников; для книги, напечатанной Музеем ко дню открытия юбилейной выставки произведений Репина, написал статью о творчестве Репина и составил каталог выставки. Исполнял обязанности секретаря Комиссии по устройству выставки современного искусства в Художественном Отделе. На годичном заседании Совета Государственного Русского Музея прочитал доклад на тему «Творчество Репина». В связи с ведением в Ленинградском Университете семинария по новому русскому искусству, прочитал для студентов ряд лекций по материалу Художественного Отдела. Состоит доцентом сверх штата по кафедре материальной культуры России на факультете языкознания и материальной культуры Ленинградского Государственного Университета.

Е. К. Мроз написала вступительную статью о Рокотове и составила каталог выставки для брошюры, изданной Музеем к открытию выставки произведений Рокотова. Подготовила к печати статью «Портрет герцогини Е. Б. Бирон, работы Рокотова». Руководила занятиями практикантов, работавших в Отделении. Прочитала в Комиссии по социологии и теории искусства при Академии Истории Материальной Культуры доклад на тему «Влияние социально-экономических факторов на венецианское искусство». Написала ряд статей по искусству для «Большой Советской Энциклопедии». Состоит Научным Сотрудником Академии Истории Материальной Культуры по разряду нового русского искусства и членом Комиссии по социологии теории искусства; научным сотрудником I категории Государственного Института Истории Искусств и преподавателем Государственных Курсов при названном Институте, где вела два семинария на темы: «Леонардо-да-Винчи» и «Тициан».

Г. М. Преснов работал по изучению русской скульптуры XVIII и XIX вв.; в связи с этим выполнил ряд командировок в Петергоф, Стрельну, Слудк и Детское Село для обследования и изучения скульптуры в загородных дворцах и парках. Подготовил к печати статью «Античные реминисценции в русской скульптуре и живописи первой половины XIX в., по материалам Государственного Русского Музея».

М. С. Коноплева занималась изучением раннего русского пейзажа, особенно пейзажей Сем. Щедрина, по материалам Художественного Отдела Государственного Русского Музея и архивным материалам Академии Художеств; в связи с этой работой была командирована в Гатчинский дворец-музей и представила письменный доклад «Материалы к истории русского пейзажа». До августа 1925 г. несла обязанности хранителя дома-музея б. Шуваловой. В связи с этим, в виду предполагавшейся в особняке выставки «Шуваловского собрания рисунков» (около 400 листов) подготовила к печати каталог этого собрания и вступительную к нему статью.

Н. С. Платонова занималась, в связи с составлением каталога портретов, изучением художественно-исторического и исторического мате-

риала, имеющего отношение к портретам XVIII и первой половины XIX вв. Разрабатывала архив академика Якоба Штелина (в Публичной Библиотеке); в плане этой работы за 1925 год сделано следующее: 1) снята копия и сделан перевод рукописей Я. Штелина под заглавием: «Verzeichniss der Vornehmsten Mahler in Russland aus des Staatsraths von Stählin noch nicht gedruckten «Mémoires des Beaux Arts en Russie» и «Von Zeichnern und Mahlern. Kurzer Auszug aus des Russ. Kaiserl. Staatsraths von Stählin Nachrichten von der Zeichnungs-Mahler-Kupferschtecher-Bau- und Bildhauer Kunst in Russland»; 2) снята копия и начат перевод рукописи, озаглавленной «Mémoires des peintres en Russie»; 3) готовятся к печати 7 писем Falconet к Я. Штелину с кратким вступлением и комментариями; 4) в результате обработки материала о Токкэ готовится к печати статья «Луи Токкэ в России» и 5) приготовлена к печати статья «Штелин и Рокотов».

Е. А. Рост работала по собиранию в архиве Академии Художеств, в связи с заданиями Отделения, архивных материалов о Рокотове, Репине и Венецианове, а также материалов по народным сценам и жанру русских художников XVIII в., особенно Танкова, и первой половины XIX столетия.

Н. В. Тревер работала по изучению произведений художников «Мира Искусства» и по регистрации памятников русского искусства.

Ю. С. Олив работал по регистрации, изучению и систематизации предметов декоративного искусства XVIII и XIX вв., в частности произведений из керамики.

По Отделению рисунков и гравюр.

В. В. Воинов написал исследование «Репин, как рисовальщик, офортист и литограф»; им же написаны и сданы в печать статьи: «Нарбут - акварелист» (для сборника «Памяти Нарбута» изд. Украинского Гос. Издательства, Харьков), «Какова должна быть иллюстрация» (для сборника «Газетный и книжный мир» «Двигатель» Москва), «Теория и практика плаката» (для того же сборника); кроме того напечатан «Очерк истории русской литографии» при книге Фридлэндера — «Литография» (издание Института Истории Искусства; «Academia» 1925, Ленинград). В Академии художественных наук в Москве сделал доклад на тему «Репин, как рисовальщик, офортист и литограф».

К. Е. Костенко работал по изучению рисунков и гравюр коллекции В. Е. Маковского.

О. Г. Алексеева и В. А. Гельстрем работали по собиранию материалов по гравюрам, не вошедшим в печатные указатели.

По Реставрационной Мастерской.

Н. А. Околович знакомил и инструктировал по реставрационному делу лиц, командированных из провинциальных музеев (Ростов-Великий, Киев, Вологда); объяснял методы реставрации памятников и вел практическое ознакомление с нею, как заведывающих музеями, так и научных сотрудников; знакомил с постановкой реставрационного дела участников семи-

нариев Института Истории Искусств и Государственного Ленинградского Университета; ознакомил с постановкой дела фотографирования в Художественном Отделе лиц, командированных от научных учреждений. Был в командировке от Государственного Русского Музея: 1) в Петергофе для осмотра во дворце-музее поврежденных китайских панно с целью определения возможности их реставрации, 2) в Детском Селе для осмотра Федоровского Собора и художественно-научной оценки памятников живописи.

А. И. Кудрявцев был командирован в Гатчинский дворец-музей для доставки экспонатов (портреты Петровской эпохи) на выставку в Историко-бытовом Отделе Русского Музея; был командирован Музейным Отделом для осмотра состояния памятников живописи Детскосельского дворца и в Стрельну, в имение Беззаботное, для регистрации памятников. Состоял членом Реставрационного Совета Отделения Центральных Московских Реставрационных Мастерских при ЛОГ. Прочел две лекции для студентов Ленинградского Университета по технике древней живописи. Принимал участие в заседаниях Института Археологической Технологии по вопросам реставрации.

Научная работа и занятия в Отделе посторонних лиц.

По Отделению древне-русского искусства.

Заведующий Византийским Отделом Гос. Исторического Музея в Москве проф. Н. Д. Протасов, проф. Киевского Архитектурного Института И. В. Моргилевский, Помощник Хранителя Муниципального Музея в Нью-Йорке Стивен-ван-Кранский; члены Гос. Реставрационных Мастерских Главнауки: И. Э. Грабарь, Г. О. Чириков, А. И. Анисимов и Е. П. Шабельская, проф. д-р Понтен из Мюнхена, Заведующий Северным Художественным Музеем в Готеборге Густав Мунте, Заведующий Национальным Музеем в Стокгольме Эрик Веттергрэн, Директор Государств. Института Истории Искусств проф. Ф. И. Шмит, проф. д-р. Урби из Норвегии, Ректор Берлинского Университета проф. К. Голл, профессора Берлинского Университета Эд. Мейер и О. Вульф, преподаватель Института Истории Искусств А. А. Константинова, проф. Тифлисского Университета Чубинашвили, член Германского Археологического Института проф. д-р. Гозе, Директор Ленинградского Музея Революции М. Б. Каплан, Хранитель Оружейной Палаты В. А. Никольский, Заведующий Сергиевским Историко-Художественным Музеем А. Н. Свириц, Директор Картинной Галлерей в Киеве А. С. Дахнович, Директор Всеукраинского Исторического Музея А. В. Виницкий и Заведующий Художественным Отделом того же Музея Ф. Л. Эрст.

По Отделению нового русского искусства.

Слушательница Института Истории Искусств Е. Б. Градовская (картины Прянишникова); художники: Д. Н. Кардовский и О. А. Деллавос-Кардовская (выставка рисунков Репина); представитель Толстовского Музея в Москве К. С. Шохор-Троцкий (иконография предков Л. Н. Толстого

по медальонам Ф. Толстого); Сотрудник Государственного Эрмитажа С. Р. Эрнст (художники XVIII в. и выставка Репина); В. А. Шуко (материалы для постановки «Пугачевщины»); артистка Народного Дома Е. Ф. Алексеева (портреты Екатерины I); художники П. А. Мансуров, И. Клюн и К. С. Малевич (картины новейших течений в живописи); Директер Географического Музея В. П. Семенов-Тяньшанский (пейзажи географического значения); Хранитель Гатчинского Дворца-Музея В. К. Макаров (мозаики XVIII стол.); Научный Сотрудник Московского Института Художественных Наук Г. В. Жидков (картины Лосенко); Хранитель Московского Исторического Музея Н. Б. Бакланов и 26 сотрудников того же Музея (ознакомление с галлереей и выставка Репина); Научный Сотрудник Третьяковской Галлерей А. В. Лебедев (художники XVIII и первой половины XIX вв. и выставка Репина); ученик проф. Кардовского Ф. А. Булгаков (картины Левицкого, Боровиковского, Кипренского, Щедрина, Брюллова и Иванова); Хранитель Третьяковской Галлерей В. Н. Домагацкий (скульптурные собрания Художественного Отдела); проф. Б. В. Фармаковский (выставки Рокотова и Репина); Директор Всеукраинского Исторического Музея А. Винницкий; Заведующий Художественным Отделом Всеукраинского Исторического Музея Ф. Л. Эрнст и Директор Киевской Картинной Галлерей А. Дахнович (обзор галлерей); научный сотрудник Института Археологии и Искусствознания в Москве А. Греч.

Кроме того Художественный Отдел осматривали: итальянский посланник Дж. Манцони в сопровождении С. Манцони, Б. Хвэглих, и Б. Бова Скоппа; Заведующий Главнаукой Ф. Н. Петров; Заведующая Отделом Музеев Н. И. Троцкая; О. Ф. Серова и В. Я. Серова; представители скандинавских музеев: Эрик Веттергрэн, Густав Мунте, О. Андруп, Ф. Валлэн и И. Фогт; проф. д-р. Башфорд Дин из Нью-Йорка; проф. Вульф из Берлина; проф. Г. Поллэн; В. Валентин; Ф. Вартенберг из Штеттина; Заведующий музеями ЛОГ Г. С. Ятманов и представитель Отдела Музеев Н. Е. Машковцев; Члены Гос. Реставрационных Мастерских: И. Э. Грабарь, Г. О. Чириков, А. И. Анисимов и Е. П. Шабельская; член Германского Археологического Института проф. д-р. Гозе и члены Японской делегации. В сентябре отчетного года из гостей, прибывших в Ленинград на празднование 200-летнего юбилея Академии Наук, Отдел посетило до 100 представителей русской и иностранной науки.

По Отделению рисунков и гравюр.

Лавровский (гравюры Скородумова и грав. портрет Скорины); студенты Академии Художеств: Бриммер и Фан-дер-Флит (гравюры на дереве Остроумовой, Фалилеева и Кравченко); слушательница Академии Художеств Метелицына (гравюры Остроумовой); П. Е. Корнилов (рисунки Бакста); Хранитель Елагинского Дворца Н. П. Никитин (гравюры и литографии, изображающие петербургские Острова); Хранитель Этнографического Отдела Киевского Музея Д. М. Щербаковский (гравюры, изображающие Киев,

иконография и работы Т. Шевченко и виды Украины раб. Петрова); Хранитель Исторического Музея в Москве А. П. Мюллер (рисунки иностранцев в России); ученик Художеств. Тсливума Ворони и (русские лубки и старин гравюры); В. А. Нисселовская (виды Островов, относящиеся к Елагину Дворцу); Я. М. Каплан (литографии Галактионова, Кипренского и др. и гравюры, изображающие здание Академии Наук); Научный Сотрудник Историко-бытового Отдела Музея Р. М. Михельсон (материалы для выставки «Труд и капитал», коллекция Орлова и материал по быту рабочих); художник Т. А. Моллот (акварели Чистякова, Садовникова и Вилье); Научный Сотрудник Истор. Комнат Зимнего Дворца Марков (виды Зимнего Дворца до 1837 года); Хранитель Ярославского Музея Малыгин (русские гравюры); Научный Сотрудник Исторического Музея в Москве А. А. Вейнберг (иностранные портреты); Коваленская (рисунки Тропинина); Директор Крымского Музея Полканов (постановка инвентарного дела в Отделении); Ковальская-Ильина, Хранитель Ленинградского Музея Города (система карточного указателя в Отделении); Научные Сотрудники Исторического Музея в Москве Корзинкин и Соколова (постановка инвентарного дела в Отделении); слушатель Академии Художеств Поляков (чертежи архитектора Росси, Монферрана и др.); Научный Сотрудник Музея Города Спесивцев (система инвентаризации, каталогизации, хранения); Г. И. Котов (гравюры, изображающие Летний Дворец Петра и здания петровского времени), художник Арапов (гравюры, изображающие архитектуру XVIII в.); Стравинская (моды по гравюрам Отделения).

Библиотека. В Библиотеке Художественного Отдела к 1 января 1925 г. числилось 14.766 томов, выпусков и отдельных номеров журналов. Кроме того, на хранении находилось 6.026 томов, выпусков и отдельных журнальных номеров; всего 20.792 тома.

В течение года поступило 205 томов, выпусков и номеров; из них:

- а) приобретено на средства, отпускаемые на Библиотеку, 60 томов (в том числе иллюстр. книги для пополнения коллекций иллюстрированных изданий);

- б) поступило через Комиссию по заграничным закупкам 77 томов (из них наиболее ценны художественные журналы);

- в) передано учреждениями: Комитетом Популяризации Художественных Изданий, Государств. Музеем Нового Западного Искусства, Домом Ученых в Одессе, Академией Истории Материальной Культуры, Общ-вом Поощрения Художеств, Третьяковской Галлереей, Дагестанским Музеем, Общ-вом Любителей Древней Письменности, Цветковской Галлереей, Киевским Истор. Музеем имени Т. Шевченко и рядом частных лиц — 68 томов.

Помимо текущей работы в Библиотеке продолжалась работа по развитию предметного каталога книг; каталог был построен по специальному плану, применительно к выяснившимся за предыдущие годы требованиям научных работников, пользующихся Библиотекой. Выделена коллекция русских иллюстрированных изданий и издания для Справочного Отдела.

Фототека. В Фотографическом Архиве к 1 января 1925 года числилось: 12.795 негативов и 14.164 отпечатка. В течение года поступило от фотографа 200 негативов и 231 отпечаток; от частных лиц — 8 негативов и 142 отпечатка.

Продолжались: инвентарная запись негативов и отпечатков (занесено 3.032 негатива и 721 отпечатков); проверка негативов и отпечатков коллекций Кубеша и Академии Художеств; зарегистрирована коллекция Дашкова (отпечатки). Продолжалось составление карточного каталога на негативы и отпечатки.

Фотографическая Лаборатория. Фотографической Лабораторией изготовлено 200 негативов, в том числе: с картин — 106, с скульптуры — 2, с рисунков — 20, с икон — 23, с предметов шитья — 27, с зал галереи и выставок — 11. Отпечатков изготовлено 1.838. Фотографом Художественного Отдела разработан и применяется особый способ сенсibilизации пластинок и переустроено помещение для негативного процесса.

Задания Отдела. Художественный Отдел ставит себе следующие задания на ближайшее время.

По Отделению древне-русского искусства. 1) Устройство и открытие выставки древне-русского шитья. 2) Окончание реконструкции экспозиции памятников XIV и XV столетий. 3) Осуществление экспедиции в Северную Область, крайне необходимой в целях исследования материалов Отделения и имевшей бы существенное значение в деле охраны памятников искусства Севера.

По Отделению нового русского искусства. 1) В связи с изучением хранимых в Отделении коллекций, их научным описанием и опубликованием разработанных материалов в первую очередь поставлены задачи по исследованию и экспозиции собранных коллекций и по собиранию новых материалов, в связи с вопросами исследования мало изученных моментов в истории русского искусства. Кроме собирания материалов в Ленинграде и его пригородах необходимы для указанных целей командировки сотрудников Отделения в Москву, Киев и другие города и области.

2) Усовершенствование выполненных работ по экспозиции коллекций нового русского искусства и особенно произведений русской скульптуры, и, в согласовании с Отделением рисунков и гравюр, окончание работ по экспозиции рисунков и акварелей русских художников, являющихся ценным и необходимым материалом, дополняющим характеристику художественных явлений в различные исторические моменты.

3) Изучение и собирание материалов по русскому искусству XVII и первой половины XVIII вв., в связи с вопросом о выставке произведений русского искусства первой половины XVIII века.

4) В согласовании с поставленными очередными вопросами на вышеупомянутый период намечены следующие выставки: а) Выставка Сурикова. Советом Художественного Отдела постановлено ознаменовать истекающее в марте 1926 г. десятилетие со дня смерти В. И. Сурикова

большой выставкой его произведений, одновременно и в согласовании с выставкой того же художника в Государственной Третьяковской Галлерее. Переговорами с этой последней установлено, что на московской выставке будут представлены преимущественно произведения мастера, написанные до 90-ых годов, а на выставке в Русском Музее—произведения последнего 25-летия его жизни, большие композиции: «Снежный городок», «Ермак», «Суворов» и «Стенька Разин», с относящимися к ним этюдами и эскизами, и пейзажные этюды, написанные художником за границей. Наиболее сложной работой по устройству выставки является реставрация большого полотна «Стенька Разин», требующая значительных денежных средств. Выставка будет устроена в XXV зале и сменит находящуюся здесь в настоящее время выставку Репина. б) Выставка новейших течений в русском искусстве. в) Выставка русского жанра до Перова.

5) Экспозиция коллекций декоративного искусства является одной из ближайших и наиболее настоятельно требующих своего разрешения задач Художественного Отдела. Для коллекций Отделения древне-русского искусства уже отведены с этой целью два зала, XV и XVI, где и ведутся подготовительные работы по размещению древней деревянной резьбы, шитья и литья. Экспозиция их дает в высшей степени поучительную картину того, как стиль так называемого высокого искусства отражался в различные эпохи в стиле современного ему искусства прикладного или декоративного. Отдел не может, конечно ограничивать задачу демонстрации взаимоотношений между обоими родами искусства только донетровской эпохой. Необходимо представить и дальнейшую картину этих взаимоотношений в XVIII и XIX столетиях, а именно: показать, как стили, последовательно сменявшиеся в живописи и скульптуре елизаветинской, екатерининской и затем александровской эпох, отражались и в декоративном искусстве.

Для экспозиции предметов декоративного искусства Отделение в настоящее время не располагает помещением, так как коллекции этих предметов в переполненных уже выставочных залах разместить невозможно.

б) Переустройство старого флигеля Росси. Объем выставочных помещений в главном здании недостаточен для экспозиции не только старого и нового декоративного искусства, но даже живописи и скульптуры. Теснота помещений особенно дает себя чувствовать в залах нижнего этажа, где представлено развитие русского искусства, начиная со 2-ой половины XIX века; коллекции как живописи и скульптуры, так и акварелей и рисунков не могут быть поэтому развернуты здесь с достаточной и полной последовательностью, что особенно бросается в глаза в первых пяти залах нижнего этажа, а также в залах современного искусства. Для столь необходимого расширения выставочных помещений может быть с успехом использована на ближайшие годы половина старого флигеля Росси, примыкающая к главному зданию Художественного Отдела и сообщающаяся с ним посредством двери, ведущей в III зал, при условии его переустройства для выставочных целей. После такого переустройства флигель не

являлся бы изолированным от главного здания, что крайне усложняет его охрану, а образовал бы с этим последним одно непрерывное целое. Тогда экспозиция новейшей русской живописи и скульптуры, а также акварелей и рисунков, столь стесненная в главном здании, могла бы естественно распространиться в переустроенный нижний этаж флигеля; в верхнем же его этаже был бы отведен ряд комнат для экспозиции коллекций декоративного искусства XVIII и XIX столетий. В тот же этаж старого флигеля могут быть переведены рабочие кабинеты и часть выставки Отделения рисунков и гравюр, что в значительной степени облегчило бы работу Отдела. Таким образом, посредством необходимого ремонта и переустройства старого флигеля, вопрос о недостатке выставочных и рабочих помещений Художественного Отдела разрешился бы на ближайшие годы вполне удовлетворительно. Поэтому отпуск денежных сумм на работы по его переустройству и выполнение этих работ, тем более, что они уже были начаты осенью 1923 года, но остались тогда недоконченными за недостатком средств,—является одним из наиболее насущных desiderata Отдела.

По Отделению рисунков и гравюр, кроме выставок устраиваемых совместно с Отделением нового русского искусства, на 1926 г. намечены:

- 1) экспозиция рисунков XVIII и первой половины XIX вв. на постоянной выставке;
- 2) выставка русской гравюры на дереве;
- 3) ряд кратковременных выставок рисунков и гравюр современных русских художников;
- 4) лекции и экскурсии в связи с выставленным материалом;
- 5) семинарий по технике гравюры.

Кроме перечисленных заданий Художественного Отдела на 1926 г., имеются еще следующие для всех трех Отделений.

1. Окончание работ инвентаризации по новой форме и продолжение работы над систематическими карточными каталогами. Для этих работ настоятельно требуется отпуск средств на приобретение инвентарных книг и картона для карточек.

2. Составление и печатание указателей, каталогов и путеводителей по постоянной выставке Художественного Отдела.

3. Издание 1-го выпуска «Сборника материалов по русскому искусству».

4. Печатание в связи с временными выставками следующих изданий:
а) в связи с выставкой произведений Сурикова, издание книги со статьей о художнике и каталогом выставки; б) издание листовок по выставке «Русская гравюра на дереве» и другим выставкам Отделения рисунков и гравюр.

РЕСТАВРАЦИОННАЯ МАСТЕРСКАЯ.

Условия хранения памятников искусства в Художественном Отделе в 1925 г. были нормальными. Обычный ежегодный осмотр показал, что массовый характер разрушений памятников древней живописи, исполненных

на материале, наиболее чувствительном к переменам условий хранения, совершенно не наблюдается; произведения же новой живописи, исполненные на материале, на котором последствия неблагоприятных условий хранения минувших тяжелых лет сказываются медленно, продолжают давать небольшой % разрушений.

За годы революции из дворцов, музеев, монастырей, государственных учреждений и от частных лиц в Музей поступило большое количество художественных предметов, произведений живописи, скульптуры, рисунков, пастелей, миниатюр, гравюр, предметов прикладного искусства. Значительная часть их поступила пострадавшими и нуждающимися в тщательном уходе и реставрации и требующими надлежащих условий хранения.

Обилие поступивших в Музей памятников поставило на очередь вопрос о недостаточности имеющихся в распоряжении Музея помещений для хранения и реставрационной работы над означенными памятниками, а также об увеличении кадра мастеров реставраторов, работающих по оказанию поврежденным произведениям первоначальной или постоянной помощи.

Поступившие в Художественный Отдел памятники являются произведениями очень разнообразных родов техники. Поступление их вызвало организацию в 1924 г. мастерских: по древнему шитью, ювелирному, рамочно-позолотному делу и технической реставрации предметов из дерева.

В связи с этим стал на очередь вопрос о приспособлении новых помещений под мастерские. С большим трудом удалось к имеющимся двум реставрационным мастерским, помещающимся в главном здании, прибавить третью, устроив ее во флигеле Росси и приспособить ее для реставрации рам, для позолотного дела, реставрации предметов из дерева. Этим же помещением приходилось пользоваться, как изоляционным для поступающих извне подозрительных или зараженных памятников, или же для выдерживания памятников в промежуточной температуре. Помещение было приспособлено и в нем произведено значительное количество работ по исправлению музейских рам, как пострадавших от наводнения, так и поступивших в поврежденном состоянии извне. Произведено много технических реставрационных работ по исправлению старинной музейного значения мебели и других необходимых работ как по Художественному, так и другим Отделам.

Таким образом нужды Художественного Отдела, а в некоторых случаях и других Отделов Музея, в зависимости от средств, имевшихся в распоряжении Мастерской, более или менее удовлетворялись, при чем условия работы в помещении мастерской были нормальными.

Обстановку и условия работы в других мастерских Отдела признать нормальными нельзя. Целый ряд неудобств проистекал от совместной работы мастеров и при том разных специальностей, скученных в помещении в числе 7—8 человек, где прежде работали, исключительно по укреплению или по раскрытию икон от записей, 2—3 человека.

Мастерские испытывали затруднения от недостатка средств на материалы и отсутствия самих материалов в продаже. Для реставрации шитья

приходилось довольствоваться незначительным количеством случайно найденных на рынке старых запасов и случайно сделанной покупкой китайского сырда. Пришлось прибегать к обесцвечиванию грубо окрашенных шелковых ниток, вновь окрашивать их в те цвета, какие нужны для укрепления древнего шитья.

Устроена была красильная мастерская для окраски небольших кусков материй для подкладок, вставок и фонов. Когда размеры красильного бака не позволяют окрасить большой кусок, материал для окраски отдается на фабрику, но оканчивается окраска в красильне Музея, так как фабричная не может удовлетворить требованиям музейной реставрации.

С такими же затруднениями производились реставрационные работы по ювелирному делу. В той же общей мастерской исполнено было большое количество работ по реставрации измятых, изломанных басм, финифти, предметов из моржовой кости, предметов утвари и литья, а также работ по определению металлов и драгоценных камней и проч.

Недостаток средств заставлял производить реставрацию произведений новой живописи очень осторожно и медленно. Не всегда возможно было поставить опыты по реставрации и самую реставрацию памятников в тех размерах, как следовало.

Полная связь между работами по наблюдению за условиями хранения в Отделе памятников и работами по их реставрации дала возможность довести работу по укреплению икон до конца и приступить к прерванному в 1919 г. раскрытию икон от позднейших записей. В 1926 г. намечено приступить к этой важной для Художественного Отдела работе и таким образом опять возобновить приток научного материала по древней живописи.

В виду этого еще в 1924 году были начаты занятия по подготовке мастеров к этому важному и ответственному делу. В мастерской производились стажные работы по раскрытию икон от записей и наслоений загрязненной олифы по строго определенной системе. Производилась та послойная расчистка, которая известна была только в теории; по крайней мере никогда не приходилось видеть ее исполненной на деле до конца. Слои грязной, потемневшей и скипевшейся олифы снимался постепенно слоями, и мастер действительно снимал его до $\frac{1}{32}$ полного слоя и после обнажал без повреждений изначальную живопись. Тренированный на послойной расчистке олифы, выучившийся тонко владеть скальпелем и растворителем олифы, привыкший к крайней осторожности при снятии олифы с золота (труднейший из видов раскрытия), мастер приступал к раскрытию иконы от позднейших записей. Снимая с величайшей осмотрительностью, после рекогносцировочных расчисток, слой записи за слоем, он постепенно доходил до изначального слоя олифы, лежавшей густо, полным слоем или остатками его на изначальной живописи. При этой работе открываемые слои оставались на иконе частями. Последним снимался изначальный слой олифы, и, таким образом, доходили до древней

живописи. При этом мастер снимал этот последний, промежуточный слой после контрольной проверки в том, что слой олифы не поврежден.

Таким образом на стажных работах по подготовке к раскрытию памятников от записей удалось установить на практике метод раскрытия древней иконы, т.-е. получить возможность поставить дело раскрытия с необходимой уверенностью, что раскрываемые памятники не страдают при раскрытии.

Стажные работы исполнялись над произведениями, не имеющими музейного значения. Образцы работ, как наглядное пособие, оставлены при Мастерской и сфотографированы.

Вместе с этим шла работа по ликвидации ссыхания досок и разрывов их, происшедших в результате переходного состояния условий хранения 1923 — 24 гг.

В течение отчетного года в Реставрационной мастерской практически знакомилась с постановкой дела реставрации и хранения памятников ряд научных работников, командированных музеями Ростова Великого, Вологды, Киева и др. Мастерскую посещали с целью ознакомления с постановкой реставрационного дела студенты Института Истории Искусств и Ленинградского Государственного Университета.

С 1 января 1925 г. по 1 января 1926 г. в Реставрационной мастерской произведены следующие работы:

I. По древне-русской живописи: 1) укреплено постоянным укреплением 130 предм.; 2) укреплено временным укреплением 179 предм.; 3) освобождены от заклеек укрепленные временным укреплением 646 предм.; 4) залиты олифой поврежденные древоточдем 41 предм.; 5) произведен осмотр состояния памятников древней живописи собрания Художественного Отдела Русского Музея, а также памятников, переданных на хранение в Русский Музей из собраний Романченко и Плюшкина, Ал.-Невской Лавры, Александро-Свирского монастыря и друг., в количестве 4.869 предм.; 6) произведена пробная расчистка олифы на 3 памятн.

II. По новой живописи: 1) дублировано 6 картин; 2) промыто и покрыто лаком 5 картин; 3) укреплено 13 картин. III. По древне-русскому шитью: укреплено шитых древних памятников 35. IV. Ювелирно-серебряницкая работа: 1) реставрировано металлических предметов (венцы, лампы и др.) 15; 2) изделий из кости 6; 3) реставрировано иконных окладов из басмы, чеканных окладов и др. 100; 4) разобрано для взвешивания металла и вновь собрано сложных окладов на иконах, крестах и пр. 191. V. Работы по технической реставрации: 1) исправлено иконных досок (склейка, вставление реек, скобок и пр.) 63 предм.; 2) вновь сделаны подрамники, отдельные планки и бруски 46 предм.; 3) реставрировано рам 67 предм.; 4) мелкие работы по исправлению рам, подрамников, перетягиванию холстов 116 предм.; 5) реставрировано канделябров из дерева 7 предм.; 6) реставрировано 48 предметов мебели.

IV.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ ¹.

Состав Совета Этнографического Отдела в 1925 г. был следующий: члены Совета по избранию: академики: В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, С. Ф. Платонов; члены Совета по должности: Заведующий Отделом, Хранитель Отделения этнографии Сибири и Дальнего Востока С. И. Руденко, Хранитель Отделения этнографии великорусов и финнов Д. А. Золотарев, Хранитель Отделения этнографии Украины, Белоруссии и зарубежных славян Б. Г. Крыжановский, Хранитель Отделения этнографии Кавказа и Туркестана А. А. Миллер; Помощники Хранителей: А. К. Сержпутовский, А. Н. Самойлович, А. А. Макаренко, А. П. Баранников (Заведующий Секцией Буддизма), П. П. Ефименко, и С. А. Теплоухов (Заведующий Секцией Палеоэтнографии); Ассистенты: Н. П. Гринкова, Е. Э. Бломквист, А. И. Зарембский (он же исп. об. Секретаря Совета), Ф. А. Фиельструп; Директор Музея Н. П. Сычев и Ученый Секретарь Н. П. Черепнин.

Совет в целом и в лице Хранителей, заведующих Отделениями, руководил текущей научной и технической работой Отдела, а также организацией постоянной и временных выставок.

Кроме текущих очередных дел в Совете Отдела обсуждались вопросы: о ликвидации последствий наводнения (реставрационные работы и новые условия хранения коллекций), о летних исследовательских работах, о производственном плане на 1925—26 г., об изданиях Отдела (III том Материалов по этнографии СССР, I—III выпуски серии «Музейное дело и др.»), об организации Комиссии популяризации художественно-этнографических изданий, об увеличении штатов Отдела, о финансовом положении, о получении льготного тарифа для перевозки в Музей коллекций, об устройстве выставок украинских и румынских килимов и отчетной за 1924—25 гг., об участии в Международной выставке декоративных искусств в Париже, о закупке книг за границей, о передаче коллекций П. К. Козлова в Академию Истории Материальной Культуры, об инструкции для регистрации палеоэтнографических коллекций, об отчетах по летним экспедициям и командировкам, об организации семинарских занятий по этнографии для преподавателей географии, о восстановлении связей с провинциальными учреждениями, о приобретении ценных в научном отношении: библиотеки Э. Э. Ухтомского по буддизму и Дальнему Востоку, коллекций И. В. Цуриковой-Горяиновой (1586 вышивок из Тамбовской губ.), Р. П. Митусовой (аганские остяки и самоеды), А. Белослюдова (Алтай) и Д. К. Соловьева (манегры).

При Совете состояло две комиссии: 1) по обследованию переданных в Отдел из б. Зимнего Дворца вещей (в составе Б. Г. Крыжановского, А. А. Макаренко и А. К. Сержпутовского) и 2) по выработке положения о Комиссии популяризации художественно-этнографических изданий (в со-

¹ Сост. Заведующим Этнографическим Отделом.

стве Д. А. Золотарева, Б. Г. Крыжановского, С. И. Руденко, Ф. А. Фиельструпа и Н. П. Черепнина).

Изменения в личном составе в течение 1925 года произошли следующие: М. П. Грязнов избран на должность Научного Сотрудника с 1 января 1925 г., на место оставившей 1 марта службу Л. И. Монаховой избрана на должность Научно-технического Сотрудника Е. А. Кириллова (с того же числа), Научно-технический Сотрудник В. Б. Ечеистова избрана на должность Старш. Пом. Библиотекаря, оставил службу Пом. Реставратора Н. С. Копылов, временно приглашен внештат. Помощ. Реставратора А. А. Илюхин, с 1 июня на Научного Сотрудника. Л. В. Костикова возложено заведывание манекенно-реставрационными мастерскими.

I Отделение. Основной работой Отделения было продолжение работы по ликвидации последствий наводнения. Отбор в стирку, сушка, сортировка, перепись и укладка мягких предметов, отбор в реставрацию головных уборов, тканей, металлических предметов, чистка, уборка, составление описей—занимали большую часть времени. Высушенный материал разбирался по предметам и раскладывался в сундуки (85), причем частично производилась подробная опись уложенных предметов, или размещался в шкафах (96), сгруппированный по категориям. Деревянные предметы были разобраны по народностям, согласно музейной схеме, и размещены в двух залах Выставочного здания, где ими занято 40 полок и вся свободная площадь пола, и в бывшей раздевальной, где занято 65 полок и места над 65 шкафами. Почти весь деревянный материал описан, причем составлены карточки с указанием номеров, находящихся на той или иной полке. Металлические предметы были разобраны и сданы в реставрацию, после чего по мере поступления принимались на учет Отделения.

Несмотря на очень большую работу в связи с последствиями наводнения, продолжалась текущая регистрационная работа, причем зарегистрирована большая часть новых поступлений и несколько старых коллекций, всего в количестве 1443 предметов.

Работа, за неимением другого места, во временно закрытых залах постоянной выставки и хранение там большого количества шерстяных предметов способствовали появлению моли, вследствие чего в финских залах пришлось сделать дезинфекцию шкафов и щитов, снять и вновь набить выставленные предметы.

В связи с участием Отдела в Выставке декоративных искусств в Париже, Отделение выделяло для этой цели значительное количество предметов великорусского и финского народного искусства.

Исследовательская и собирательская работа на местах велась в нескольких районах в зависимости от надобностей Отделения и представлявшихся возможностей.

Отделение осуществило Лапландскую экспедицию в составе Д. А. Золотарева и А. Л. Колобаева, Южно-великорусскую — в составе Д. А. Золотарева, Е. Э. Бломквист, Н. П. Гринковой, Н. А. Троицкой, работавших в Воронежской губ., и Ленинградскую в составе Д. А. Золотарева и прикоман-

дированных для практических работ студентов Университета Е. Г. Либмана, Е. П. Преловой, А. И. Фофанской, Н. С. Розова и фотографа-любителя А. А. Беликова. Кроме того, сотрудниками Отделения выполнены командировки: Д. А. Золотаревым—в Поволжье и Рязанскую губ., Н. П. Гринковой—в Калужскую губ., З. П. Малиновской—в Ярославскую и Орловскую, Л. Л. Капица—в Печорский край, П. П. Ефименко—в Харьковскую и Воронежскую губ.

Имели и выполнили поручения от Отделения: А. А. Макаренко в Мурманской губ. на Терском берегу, Г. Д. Рихтер и Е. И. Егоров у лопарей, в связи с работой Лапландской экспедиции, А. Л. Колобаев—в Орловской губ.

Вновь собранный материал обрабатывался и был подготовлен к Отчетной выставке за 1924—25 г.г.

В Отделении работали учащиеся ВУЗ'ов, прикомандированные для летней практики, приезжие музейные работники и ученые.

Сотрудники Отделения принимали участие в работе курсов для учителей, на которых Д. А. Золотаревым, Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринковой делались доклады и проводились экскурсии.

Отделение поддерживало связь с музеями в Москве, Ростове, Твери, Костроме, Рязани, Пензе, Калуге, Смоленске, Н. Новгороде, Астрахани, Архангельске, Петрозаводске, Воронеже, Казани и Касимове.

Посещение Отделения финскими этнологами профессорами Тальгреном и Мансикка дало возможность получить сведения о работе в Финляндии и показать Отделение представителям наиболее близкой Отделению зарубежной страны, ознакомление с работой которой так необходимо для Отделения, не получившего возможности командировать туда своего сотрудника.

II Отделение. В плане работ по II Отделению на 1925 г. предполагалось приведение в порядок резерва и ликвидация последствий наводнения, продолжение экспедиционной работы в Подолии и устройство временной выставки украинских килимов.

К началу года состояние резерва было следующее. Все подмоченные вещи были просушены, большая часть полотняного материала была промыта в прачешной, меха и кожи частично прошли через мастерские, керамика и стекло были частью возвращены на свои полки, частью перенесены в шкафы в рабочем кабинете (стекло), частью сложены в славянских залах в ожидании разборки. Дерево было перенесено в Выставочное здание, где после просушки из общей массы были выделены более хрупкие предметы для переноски в помещение Отдела.

В течение 1925 года были простираны все полотняные вещи и выведены пятна на тех из них, которые не требовали сложной химической чистки, начатой лишь по окончании первоочередных работ и не законченной к концу года. Были приведены в порядок и реставрированы в прежнем виде головные уборы, чрезвычайно пострадавшие во время наводнения. Все предметы из кожи и меха прошли через мастерские, где были соответствующим образом обработаны и размяты. Металлические вещи сданы в мастерские для чистки. Разбитые сосуды по возможности подобраны по частям; склейка тех из них, которые восстанавливались полностью, у же

закончилась, частично произведена склейка и тех, которые не могут быть восстановлены целиком.

Предметы, прошедшие через мастерские, поступая в Отделение, размещались в новых хранилищах, причем сундуки с мехами и шерстью были временно помещены в Мраморном зале, шкафы для прочего мягкого материала были отведены II Отделению в глубине галереи под Мраморным залом, а полки для дерева были устроены в четырех камерах у лестницы большого украинского зала (VIII). Там были размещены мелкие деревянные предметы, перенесенные из Выставочного здания, а также предметы из кожи (временно) и некоторые другие категории предметов, допускающие хранение на открытых полках. Расположены резервные коллекции в новых помещениях по прежней системе, т. е. для крупных народностей по категориям предметов.

После того как резерв был размещен, было приступлено к его учету и составлению описных карточек по принятой системе. В первую очередь в летнее время были разобраны крупные деревянные предметы в Выставочном здании. Здесь были отдельно сложены модели — все более или менее пострадавшие, разрозненные части предметов и предметы, утратившие номера, для восстановления которых потребуются подробные справки по окончании общей работы. Остальная часть дерева была разобрана по народностям и категориям и переписана. Таким же образом был разобран мелкий деревянный материал и в камерах. К детальной разборке мягкого материала и учету его удалось приступить лишь в конце года.

В связи с устройством новых хранилищ резерва, пришлось внести некоторое изменение в постоянную выставку. Именно, манекен гончара со всем окружающим его был убран из камеры у лестницы и перенесен в тупик прохода, где и помещен на фоне щита с мисками. Равным образом были убраны из камер и временно помещены в резерв ткацкие станки. Ряд других изменений был произведен в связи с временной выставкой килимов. Была изменена композиция ковровой стены над лестницей, которая в теперешнем виде состоит из одних цветочных килимов Центральной Украины, а также изменены фоны во многих шкафах, причем показаны килимы и ткани, не бывшие ранее на постоянной выставке. Были также сохранены для постоянной выставки два женских костюма — волынский и старинный полтавский, бывшие на временной выставке.

Выставка украинских и румынских килимов была задумана первоначально, как выставка украинских вышивок и тканей, со сравнительным материалом, взятым у соседних народностей. В связи с наводнением пришлось изменить и объем и план выставки. С одной стороны оказалось невозможным воспользоваться материалом, не прошедшим через мастерские, с другой стороны оказался занят Мраморный зал. В виду этого решено было ограничиться выставкой килимов и перенести ее в залы балканский и западно-славянский (X и XI). Выставка должна была служить как бы добавлением к выставке ковровых изделий Востока. Вместе с тем она должна была дать новое освещение ряду вопросов, связанных с происхожде-

нием украинских ковров, и в этом отношении была связана с большой ковровой выставкой в Киеве, осенью 1924 года, построенной по принципу художественному. Таким образом определился ее типологический характер. Выставкой была занята большая стена над лестницей, стены внизу у лестницы (килимы с персидской традицией), проход в балканский зал (западно-европейская традиция), балканский зал (локальные типы цветочных килимов, геометризация цветочного орнамента, средне-азиатская и мало-азиатская традиции) и зал западно-славянский (килимы с раздробленным фоном, традиция Кавказа и восточной части Малой Азии). Всего было выставлено 96 килимов. В виду того, что ряд килимов, имеющих важное типологическое значение, требовал чистки и починки, пришлось предварительно провести их через мастерские, где они были вычищены и вымыты, и под них в нужных местах был подведен фон, (в одном случае весь килим целиком пришлось положить на фон). Килимы были размещены на щитах поверх предметов постоянной выставки, на фоне светлой бумаги. Часть килимов поместилась в шкафах, где около них были поставлены манекены в костюмах из соответствующей местности. Верх щитов был декорирован керамикой¹. Выставка была открыта днем в обычные дни и по вечерам в дни докладов. Доклады были прочитаны: Б. Г. Крыжановским — «Орнамент украинских и румынских килимов», А. А. Миллером — «Превращения восточных фигур на бортах украинских килимов», А. И. Зарембским — «История и техника тканья украинских килимов», А. М. Колаковской — «Изменения восточных фигур на украинских килимах» и М. А. Фриде — «Отклонения от нормального рисунка и расцветки в украинских килимах».

Исследовательская работа сотрудников Отделения протекала в Подолии, где продолжалось систематическое изучение быта украинцев, молдаван и евреев. При этом А. И. Зарембский работал в западной части Подолии, М. А. Фриде и Е. П. Данини в восточной, А. М. Колаковская и А. Я. Дуисбург в Молдаванской республике. Во время их поездок был обследован ряд промыслов, произведены многочисленные обмеры хат и хозяйственных построек, сделано много калек со стенных росписей хат и много фотографий. Собраны коллекции по одежде, керамике и ткачеству. Работами А. М. Колаковской и А. Я. Дуисбург положено начало систематическому исследованию быта молдаван. А. И. Зарембский продолжал параллельно с украинцами изучать подольских евреев. А. К. Сержпутовский продолжал работы в Белоруссии, откуда он привез коллекцию вышивок, тканей и многочисленные фотографии.

III Отделение. В течение отчетного года в Отделении исполнялись следующие работы. Производились проверка коллекций, вынесенных из резервного подвального помещения, и учет предметов, пострадавших от наводнения 1924 г. Выполнялись работы по предохранению коллекций от дальнейшей порчи (просушка тканей) и реставрировались предметы

¹ Подробнее см. Б. Г. Крыжановский. Украинские и румынские килимы. Лгр. 1925.

с признаками порчи. Значительная часть работ в этом направлении уже исполнена, главным образом, по части тканей и металлических изделий. Производилась укладка коллекций в систематическом порядке в новом помещении для резервного хранения. Закончена полная перегруппировка коллекций по палеоэтнографии Кавказа в целях достижения большей наглядности в этой части экспозиции.

Персоналом Отделения исполнялись текущие работы по регистрации коллекций и обработке вновь поступивших в Отделение материалов. В Отделении был подобран материал по народному искусству Кавказа и Туркестана для Международной выставки декоративных искусств в Париже.

В течение года были в командировках: 1) Хранитель А. А. Миллер командирован был в Париж для устройства Отдела народного искусства в павильоне СССР; 2) А. А. Миллер, руководивший Северо-Кавказской экспедицией Г. А. И. М. К., имел поручение от Этнографического Отдела по изучению быта черкесов Адыгейской области и собиранию этнографических коллекций; 3) Ф. А. Фиельструп был командирован в Семиреченскую область для сбора этнографических коллекций среди киргизов. Вместе с этим им собирались коллекции и для Ташкентского Музея. Г. А. Бонч-Осмоловский работал у крымских татар и продолжал раскопки пещеры Киик-Коба.

IV Отделение. В отчетном году работа Отделения Сибири главным образом была сосредоточена на ликвидации последствий наводнения. Все сотрудники этого Отделения вместе со специально для этого приглашенными до июня месяца лицами работали по разборке предметов по народностям, затем по коллекциям и, наконец, по порядковым номерам коллекций. После этого предметы проверялись по спискам, выяснялись недостатки и повреждения и лишь после такого осмотра предметы, не подлежащие в ближайшем будущем реставрации, подвергались дезинфекции, а затем—одни укладывались в сундуки и пересыпались нафталином, а другие—вторично протирались и упаковывались для размещения на вновь оборудованных полках и в шкафах. При этом, всем, проходящим через руки сотрудников, коллекциям составлялись особые описи, с обозначением номеров сундуков, полок или шкафов, где хранятся эти вещи, так как только при наличии этих описей впоследствии можно будет произвести учет коллекций и составить списки утраченных вещей. К этому надо добавить, что и все реставрационные работы, не требующие особых званий специалистов, производились сотрудниками. Летом, когда явилась возможность работать в неотапливаемом помещении Выставочного здания, сотрудники Отделения, не имевшие летних командировок, произвели такую же работу с громоздкими деревянными предметами, сосредоточенными теперь в этом помещении. Все вещи, находящиеся здесь, также рассортированы по народностям и коллекциям и переписаны.

Помимо этой работы, Отделение в отчетном году закончило переустройство постоянной выставки монголо-бурятского зала.

Исследовательская и собирательская деятельность Отделения выразилась в организации Алтайской экспедиции, в которой приняли участие,

кроме руководителя ее С. И. Руденко, научные сотрудники: А. Н. Глухов, М. П. Грязнов, студенты Н. М. Сунцова, М. Н. Комарова, инструктор К. И. Ульрих; Е. Р. Шнейдер был командирован к минусинским туркам; Р. П. Митусова находилась в экспедиции к лесным самоодам Обско-Тазовского водораздела; А. А. Макаренко находился в командировке на Кольском полуострове.

Секция Буддизма. В отчетном году в Секции велись следующие работы: 1) по постоянной выставке: пересмотрена вся выставка, приведен в порядок этикетаж и закончено составление карточек к отдельным шитам и витринам. Произведены небольшие перемещения и замены одних предметов другими. Закончена подготовительная работа по составлению путеводителя по выставке. 2) На временной выставке представлены коллекции по буддизму и составлена краткая заметка, характеризующая выставленные коллекции. 3) По регистрации коллекции и их описанию: зарегистрировано 20 коллекций с 236 предметами. Велись описания сиамской коллекции (М. П. Лаврова) и коллекции Хара-Хото (А. П. Баранников). 4) По ликвидации наводнения: закончены разборка предметов по коллекциям и приведение их в порядок. 5) По резервам: все коллекции размещены в кабинете Секции; составлены карточки к каждой коллекции резерва.

Секция Палеоэтнографии. Работа Секции выразилась в следующем. В январе 1925 г. была устроена Секцией выставка палеоэтнографических материалов, добытых раскопками П. К. Козлова и С. А. Теплоухова из курганов Ноин-Ула (Монголия), в помещении Русского Географического Общ-ва. При этом составлены описи 893 предметов, реставрирована керамика и произведены связанные с экспозицией необходимые работы.

Персонально научные работники выполнили следующие поручения Музея.

С. А. Теплоухов производил палеоэтнографические исследования в Минусинском крае. В районе Батеней и на Абакане им вскрыто в 6 могильниках 34 могилы, относящиеся к ранней бронзовой эпохе и переходной к железной эпохе. Начато исследование двух стоянок времени палеолита и ранней бронзы, собран большой подъемный материал с раздутых стоянок в районе с. Батени. Доставлены два каменных памятника с изображением человеческих лиц, середины бронзовой эпохи. Кроме того сотрудником Е. Р. Шнейдером собраны новые данные о распространении каменных баб в Минусинском крае.

М. П. Грязнов производил палеоэтнографические исследования, участвуя в Алтайской экспедиции С. И. Руденко. В районе Бийск-Барнаул, Томска и Ново-Николаевска им раскопано 8 могил железной эпохи и обследовано 19 стоянок, относящихся к бронзовой и железной эпохам.

В. С. Адрианов был командирован для участия в раскопках палеолитических стоянок П. П. Ефименко в Воронежской и Харьковской губерниях и для участия в работах А. А. Миллера по раскопкам городища в Донской области¹.

¹ Подробнее об экспедициях и командировках по Отделу см. Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Лгр. 1926.

В Секцию Палеоэтнографии поступили коллекции от следующих лиц: С. А. Теплоухова (Минусинский край), С. П. Руденко (Алтай), Г. А. Бонч-Осмоловского (Крым), П. П. Ефименко (Воронежская и Харьковская губ.), Ф. А. Фиельструпа (Семиречье), Наседкина (фотографии Рязанских древностей), Лядова (фотографии Алтайских древностей) и Госкино (Минусинский край).

Секция обслуживала 2 семинария Ленинградского Государственного Университета—С. А. Теплоухова и П. П. Ефименко.

ПОСТУПЛЕНИЯ ЗА 1925 г.

поступило с 1 января 1925 г. по 1 января 1926 г.

Отделения	Состояло на 1 января 1925 г.	От Гос. Муз. Фондов и др. учр.	Собрано командировками	Дар	Покупка	Итого в 1925 г.	Состоит на 1 января 1926 г.
I	55.889	412	872	376	253	1.913	57.802
II	31.914	132	504	193	78	907	32.821
III	25.123	1	371	—	2	374	25.497
IV	39.417	—	372	101	712	1.185	40.602
Секц. Будд.	15.424	192	—	—	3	195	15.619
Секц. Палеоэтно.	39.119	—	3.707	90	73	3.870	42.989
Итого	206.886	737	5.826	760	1.121	8.444	215.330

РЕЗУЛЬТАТЫ РЕГИСТРАЦИИ.

Отделение	№ №	Предметов	Число коллекций
I	1.159	1.443	31
II	1.120	1.160	46
III	304	337	15
IV	1.299	2.214	22
Секц. Будд.	182	236	20
Секц. Палеоэтно.	6.459	9.184	79
Итого	10.523	14.574	213

Случаи пропажи вещей с постоянной выставки. В I Отделении обнаружена пропажа деревянной резной фигурки крестьянина из Владимирской губ., зарегистрированной за № 782—98; во II Отделении—ножа с железным лезвием и деревянной ручкой из Минской губ., зарегистрированного за № 2107—97.

С В Е Д Е Н И Я

о посещаемости Этнографического Отдела Госуд. Русского Музея с 1 января 1925 г. по 1 января 1926 г.

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Итого
Отдельные платные посетители	826	704	1.322	815	784	657	583	844	1.005	756	794	979	10.069
Одиночные бесплатные	260	222	383	247	242	269	223	343	362	302	327	394	3.574
Экскурсии													
Трудшколы	666 (26)	157 (10)	853 (37)	1.509 (57)	4.176 (183)	971 (44)	500 (17)	268 (8)	160 (6)	968 (34)	1.367 (51)	1.919 (79)	13.514 (552)
Вуз'ы	142 (6)	57 (3)	—	52 (1)	—	27 (2)	99 (5)	—	89 (4)	63 (3)	101 (4)	186 (7)	816 (38)
Рабфаки	43 (2)	54 (4)	24 (2)	—	—	13 (1)	—	—	—	14 (1)	98 (4)	37 (1)	283 (15)
Военные организации	117 (7)	56 (2)	380 (11)	181 (7)	—	111 (4)	79 (4)	58 (3)	200 (12)	97 (4)	255 (9)	118 (5)	1.602 (66)
Внешкольные организации	604 (32)	964 (52)	942 (62)	718 (42)	393 (18)	222 (12)	134 (6)	156 (6)	330 (16)	522 (31)	1.039 (54)	1.141 (61)	7.165 (392)
Итого	2.658	2.214	3.854	3.522	5.595	2.270	1.618	1.669	2.146	2.722	3.981	4.774	37.023
Число экскурсий	71	71	112	107	201	63	32	17	38	73	125	153	1.063

Доклады Комиссии по изучению народной музыки при
Географическом Обществе, читанные в Этнографическом
Отделе.

1. С. Е. Малов и Е. Е. Бертельс—Музыка и песни уйгуров и китайских сартов (с муз. илл.).
2. С. Д. Бергельсон—Исторические этапы музыкальной культуры Востока (теория преемствен. музык. инструм.).
3. Л. Э. Коркуновская—Песни алтайцев и телеутов (с муз. илл.).
4. К. Вертков и В. Лизунов—Алтайские песни (с муз. илл.)
5. К. Вертков и В. Лизунов—Песни телеутов.
6. Е. Э. Бертельс—Песни и музыка турецких деревней.
7. Амед Х. Кокман—Песни крымских татар (под аккомпанимент О. Дзелякова).
8. Эмир А. Зеинодинов—Старинные народные песни Крыма.
9. В. Лизунов—Алтайские песни (с муз. илл.).
10. Н. Ф. Финдейзен—Цель и программа инструктивного курса и Краткий обзор музыкальной этнографической литературы России.
11. С. Е. Малов—Турецкие племена и изучение их музыки.

Темы экскурсий, проведенных в Этнографическом Отделе.

1. Общий обзор Великороссии.
2. Север Великороссии.
3. Юг Великороссии.
4. Русское народное искусство.
5. Московская промышленная область и Поволжье.
6. Финские народности.
7. Украина.
8. Белоруссия.
9. Западные и южные славяне.
10. Верования и обряды украинцев и белорусов.
11. Суеверия и пережитки русского населения.
12. Русская одежда (старинная и современная).
13. Положение и труд женщины в различных районах СССР.
14. Пережитки примитивных форм хозяйства в современной деревне.
15. Сибирские инородцы (общий обзор).
16. Быт бродячих охотников Восточной Сибири (тунгусы и карагасы).
17. Быт рыболовов-звероловов северо-востока Сибири (сидячие чукчи и коряки, камчадалы, гиляки, ольчи, айны и гольды).
18. Быт охотников-рыболовов северо-западной Сибири (вогулы, остяки, самоеды).
19. Быт оленеводов (самоеды, вогулы, чукчи, коряки, тунгусы, остяки).
20. Быт кочевников-скотоводов (саяно-алтайцы, киргизы, якуты и буряты).
21. Быт племен, переходящих к земледелию (буряты, якуты, саяно-алтайцы).
22. Верования сибирских инородцев.
23. Буддизм и буддийское искусство.
24. Будда и его культ.
25. Общий обзор Кавказа.
26. Горный Кавказ, его население и промыслы.
27. Грузины, их занятия и промыслы.
28. Материальная культура народностей Кавказа.
29. Пережитки язычества на Кавказе.
30. Кавказское оружие.
31. Крымские татары.
32. Общий обзор Туркестана.
33. Земледельческий Туркестан.
34. Быт кочевников Туркестана.

Семинарские занятия, проведенные в Отделе для студентов ВУЗ'ов.

1. С. П. Руденко и Г. А. Бонч-Осмоловский—Музееведение.
2. Н. П. Гринова—Материальная культура великорусов.
3. П. П. Ефименко—Русские

древности. 4. Б. Г. Крыжановский—Украинская этнография. 5. С. А. Теплоухов—Палеоэтнография.

Семинарий для преподавателей географии в трудшколах.

Вступительные лекции: Б. Г. Крыжановский и Д. А. Золотарев. Е. Э. Бломквист—Северная и южная Великороссия. Е. Э. Бломквист—Поволжские финны и чуваша. С. И. Руденко—Народности северо-западной Сибири (вогулы, остяки, самоеды) и палеоазиаты. М. П. Лаврова—Буддизм. Е. П. Данини—Украина. Е. П. Данини—Белоруссия. Г. А. Бонч-Осмоловский—Крым. В. В. Екимова—Туркестан. Г. А. Пидотти—Кавказ. А. А. Макаренко—Шаманство. А. А. Макаренко—Айны, гиляки. А. А. Макаренко—Тунгусы.

Семинарий для преподавателей географии от Центрального Дома Просвещения.

Е. П. Данини—Украина. Е. П. Данини—Белоруссия. В. К. Ибах—Великорусы. Е. Э. Бломквист—Финны. К. В. Вяткина—Сибирь. М. П. Лаврова—Буддизм. Г. А. Пидотти—Кавказ. В. В. Екимова—Туркестан.

Научная работа в Отделе посторонних лиц.

1. Габе, Р. М., профессор, 2. Воеводский, М. В., 3. Беликов, А. А., преподаватель географии, 4. Каминская, Н. И., 5. Оранжева, А. М., сотр. Г. А. И. М. К. (работы в связи с Парижск. выставкой), 6. Марков, П. В., руководитель экскурсий, 7. Гриневиц, К. Э., директор Херсонесского Музея, 8. Щербаковский, Д. М., завед. Отд. Народного Искусства Всеукр. Историческ. Музея, 9. Травин, Д. Д., завед. Дорогобужск. Музеем, 10. Фельдман, Н. И., сотр. Ин-та Истории Искусств., 11. Басова, Е. Н., сотр. Историч. Музея, 12. Иванов, Д., скульптор (зарисовки), 13. Беляев, В., художник, (зарисовки), 14. Динцес, Л. А., сотр. Г. А. И. М. К., 15. Загребина, М. М., преподав. географии 23 Школы, 16. Непорожнева, В. М., преподав. 221 Труд. Школы, 17. Домбек, чертежник (зарисовки), 18. Измайлович, В. М., художник (зарисовки), 19. Котова, О. Г., сотр. Г. А. И. М. К., 20. Поль д'Актэ, студ. техно-экр. искусства (зарисовки), 21. Афанасьева, О. Н., сотр. Академии Худож., 22. Галич, И. И., член предм. комис. Унив. Национ. меньшинств Запада, 23. Преснов, А. А., член той же комиссии, 24. Янес, З. М., член той же комиссии, 25. Цурикова, И. В., 26. Кнатц, Е. Э., сотр. Г. А. И. М. К. и Г. И. И. И., 27. Громова, В. И., сотр. Зоологич. Музея, 28. Иванова, И. И., сотр. Зоологич. Музея, 29. Груздев, Б. Ф., врач, 30. Большева, К. А., сотр. Г. И. И. И., 31. Оболенский, С., сотр. Ин-та Археолог. Техн., 32. Кагаров, Е. Г. профессор, 33. Самойлова, Т. В., зав. Музеем г. Галича, Костромск. губ., 34. Кришижановский, Е., художник, 35. Музыкант, Ю. А., сотр. Госкино,

36. Шульгина, Л. С., сотр. Музея Народоведения в г. Киеве, 37. Цявловский, Н. В., 38. Воробьев, Н. И., директор Центр. Музея при Казанском Ун-те, 39. С. Н. Замятнин, 40. А. А. Терентьева.

Студенты Военно-Медицинской Академии (главным образом по изучению дезинфекционной камеры)—50 чел. Студенты Географического Института (изучение Кавказа и Туркестана)—19 чел. Студенты Географического Института (изучение Сибири под руков. Прокофьева)—13 чел. Студенты Сельско-хозяйственного Техникума Отдела Рыбоведения (по изучению предметов рыболовства)—13 чел. Студенты Университета, Географического Института, АРХО Ленинградского Университета, Института Живых Восточных Языков (работы в связи с ликвидацией последствий наводнения, по изучению отдельных народностей и по зарисовкам экспонатов)—121 человек.

Научная деятельность ученого персонала Отдела.

Д. А. Золотарев участвовал в работе Лапландской, Южно-великорусской и Ленинградской экспедиций. Был в командировках в Поволжье и в Рязанской губ. Напечатал: 1. Памятка для местных сотрудников Ленинградской экспедиции; 2. Программы по этнографии и антропологии; 3. Изучение населения Ленинградской губ.; 4. Этнографический очерк Поволжья; 5. Описание Волги от Верховья до Старицы и от Рыбинска до Саратова; 6. Описание р. Белой. Сдал в печать: Этнографические наблюдения в деревне с 1919 по 1925 гг. Сделал несколько докладов в ученых учреждениях. Состоял профессором Университета.

П. П. Ефименко вел семинарий по славянским бытовым древностям на материале I Отделения (студенты АРХО). Был в командировке в Донской области и Воронежской губ. Сдал в печать: 1. Культуры палеолита на территории СССР; 2. Рязанские могильники; 3. Палеолитическая статуэтка из Костенок. Вел преподавание в Университете.

Е. Э. Бломквист вела работу в семинариях по подготовке руководителей экскурсий; принимала участие в Юго-восточной экспедиции Академии Истории Материальной Культуры. Напечатала: 1. Набивание холста; 2. Полотенце в русском быту. Сдала в печать: 1. Крестьянские постройки в Мологском уезде; 2. Крестьянские постройки Калужской губернии.

Н. П. Гринкова была в командировке в Калужской губ.; принимала участие в работе Юго-восточной экспедиции Г. Ак. Ист. Мат. Культуры. Напечатала: 1. Евгениевская Псалтырь, как памятник русского языка XI века; 2. Красота. Сдала в печать: Материалы по этнографии Калужской губернии. Вела преподавание в Университете и Педагогическом Институте имени Герцена.

Л. Л. Капица был в командировке в Новгородской губ. и на Печоре.

З. П. Малиновская была в командировке в Ярославской и Орловской губерниях. Составила карты головных уборов Тверской губернии.

Н. А. Троицкая была в командировке в Воронежской губернии.

Б. Г. Крыжановский разработал план и организовал выставку «Украинские и румынские килимы». Руководил студенческим семинарием по украинской этнографии на материале Музея. Напечатал: Украинские и румынские килимы. Сдал в печать: 1. Орнамент украинских и румынских килимов; 2. Украинское народное искусство; 3. Материальная культура украинцев (листовка). Сделал несколько докладов по украинской этнографии.

А. К. Сержпутовский был в командировке в Белоруссии. Написал: 1. Прымхі й забабны (поверья и предрассудки); 2. Сборник песен Могилевщины.

А. И. Зарембский принимал участие в Подольской экспедиции. Напечатал: Регистрация, хранение и учет коллекций в Этнографическом Отделе Русского Музея. Сдал в печать: История и техника тканья украинских килимов. Сделал доклад на эту же тему.

М. А. Фриде принимала участие в Подольской экспедиции. Сдала в печать: Гончарство на юге Черниговщины. Написала: 1. Материалы, собранные в 1924 году в Подолии и в Нежинском у.; 2. Изменения в нормальном рисунке и раскраске украинских килимов. Сделала ряд докладов по собранному материалу.

А. М. Колаковская принимала участие в Подольской экспедиции по изучению быта молдаван. Сделала доклад на выставке килимов.

А. Я. Дунсбург принимала участие в Подольской экспедиции. Сделала доклад о промыслах в м. Седневе Черниговского у.

Е. П. Данини работала в семинарии по подготовке руководителей экскурсий, принимала участие в Подольской экспедиции. Сдала в печать: Материальная культура украинцев (экскурсия). Написала: Белорусы (экскурсия).

А. А. Миллер организовал Отдел народного искусства СССР на Международной выставке декоративных искусств в Париже. Руководил работами Северо-Кавказской экспедиции Г. А. И. М. К. Был в командировке в Адыгейской области. Напечатал: 1. Section des Ensembles nationaux; 2. L'art populaire de l'U. R. S. S.; 3. Музейная мебель и ее оборудование. Сдал в печать: Жертвенные предметы из осетинских дзуаров. Состоял профессором Университета.

А. Н. Самойлович был в командировке в Татреспублике и Турции. Напечатал: 1. Грамматика стамбульско-турецкого языка; 2. Ряд статей по туркологии в различных изданиях. Сделал ряд докладов в различных учреждениях. Состоял профессором Университета и Института Живых Восточных Языков.

Ф. А. Фнелъструп был в командировке в Семиреченскую Область к киргизам. Сдал в печать: Свадебные жилища у турецких народностей.

Г. А. Бонч-Осмоловский вел раскопки в Крыму пещеры Киик-Коба и других стоянок каменного века. Был в командировке к крымским татарам. Напечатал: 1. Доисторический очерк Крыма; 2. Этнографический очерк Крыма; 3. Предварительный отчет о раскопках в Киик-Коба. Сдал в печать: 1. Свадебное жилище турецких народностей;

2. Брачные обряды крымских татар; 3. Доисторическая эпоха Крыма. Вел преподавание в Университете.

С. И. Руденко руководил Саяно-Алтайской экспедицией. Читал ряд курсов по антропологии и музееведению в Университете. Напечатал книгу «Башкиры» — опыт этнологической монографии, и ряд статей по вопросам антропологии и этнографии. В Академии Наук СССР состоял Ученым Секретарем Постоянной Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран и членом Особого Комитета по изучению Союзных Республик.

А. А. Макаренко вел семинарий по музееведению. Был в командировке на Кольском полуострове. Напечатал: 1. О добывании и применении красок в домашнем хозяйстве крестьянина; 2. Собираание материалов по самоврачеванию в деревне; 3. Извлечения из монографии «Тунгусы Сибири».

Л. В. Костиков приготовил к печати: Библиографический указатель литературы по тунгусам и тунгусским племенам.

А. Н. Глухов принимал участие в Саяно-Алтайской экспедиции. Сдал в печать: 1. Тайэлга; 2. Могильники близ урочища Кудырга на Алтае (совместно с С. И. Руденко).

Е. Р. Шнейдер был в командировке в Минусинском крае. Подготовил к печати: Каменные изваяния Минусинских степей (совместно с М. П. Грязновым).

Р. П. Митусова была в командировке у остяков и самоедов бассейна рр. Таза и Агана.

А. П. Баранников напечатал и сдал в печать: 1. Повторение в хиндустани; 2. Сложные глаголы в хиндустани; 3. Грамматика хиндустани; 4. Ганготри, перевод на украинский повести Азиз уд Дина; 5. Савт, перевод на украинский повести Прем Чанда; 6. Перевод рассказов Л. Толстого на хинди; 7. Забайкальские дацаны; 8. Новые поступления Секции буддизма. Вел преподавание в Университете и состоял профессором Института Живых Восточных Языков.

М. П. Лаврова приготовила к печати: Китайские зеркала по материалам Этнографического Отдела.

С. А. Теплоухов был в командировке в Минусинском крае. Напечатал: 1. Раскопки кургана в Ноин-Ула; 2. Производство антропологических измерений. Вел преподавание в Университете и на Высших Военных Курсах по физическому образованию.

М. П. Грязнов принимал участие в Саяно-Алтайской экспедиции. Напечатал: Инструкция для измерения костей и черепа человека. Подготовил к печати совместно с Е. Р. Шнейдером статью: Каменные изваяния Минусинских степей.

В. С. Адрианов был в командировке в Харьковской губ. и Донской области.

М. Н. Комарова и Н. М. Сунцова принимали участие в Саяно-Алтайской экспедиции.

Кроме того большинство научного персонала принимало участие в работе ученых учреждений и обществ в качестве их сотрудников и членов.

Книжное имущество Библиотеки на 1 января 1925 г. состояло из 11.203 названий в 25.071 томе, из которых 2.342 было дублетов. В течение 1925 г. книжное имущество увеличилось на 1.685 названий в 1917 томах, из которых 43 дублета. На 1 января 1926 г. число названий всего 12.888 и число томов — 26.988. Рукописей за отчетный год поступило 6. Число лиц, пользовавшихся Библиотекой 44. Число выданных им книг 1.497. Число лиц, пользовавшихся читальней 74 (посещений 418). Число выданных им книг 789.

По фотографической мастерской за 1925 г. сделано 458 отпечатков, 61 негатив, 319 снимков, 219 увеличений, 74 диапозитива; промыто: 38 негативов, проявлено 810 пластинок, 26 катушек пленок.

По Фототеке в отчетном году производились следующие работы. Фотографические коллекции, поступившие за год, вводились в карточные указатели по номерам коллекций (заголовкам регистрационных списков), по народностям, губерниям, уездам и по фамилиям собирателей. Делались пояснительные надписи с рукописных регистрационных списков на обратной стороне отпечатков, как вновь поступивших, так и прежде хранящихся в архиве фотографических коллекций. Снимались копии с рукописных регистрационных списков в тех случаях, когда в архив поступали коллекции фотографических негативов без приложения отпечатков. Альбомы пополнялись поступившими в архив отпечатками фотографических коллекций. Производились выдачи фотографических коллекций по требованиям для работ Этнографического Отдела, для демонстраций на лекциях и докладах, для выставки в Этнографическом Отделе Русского Музея, для Международной выставки в Париже, для изготовления фотографий в фотографической лаборатории Отдела на первую отчетную выставку Главнауки в Москве, для этнографической картины Ленинградского Отделения Госкино, для ученых учреждений и научных работников Русского Музея, а также посторонних лиц, обращавшихся с просьбами к Отделу за фотографиями для иллюстраций различных изданий. За отчетный период было выдано из архива в общей сложности 335 негативов и 1972 отпечатка.

В архиве фотографий Отдела давались объяснения о регистрации, каталогизации и хранении фотографических коллекций работникам ленинградских, московских и провинциальных фотоархивов. Выдавались справки о фотографических коллекциях для Отделений Этнографического Отдела. Фотографические коллекции выдавались для просмотра и научных занятий в библиотеке посторонним посетителям, имеющим на то разрешение Заведующего Отделом.

Движение фотографического имущества Фототеки видно из следующей таблицы.

	Состояло на 1/1 1925 г.		Поступило в 1925 г.		Состоит на 31/хп 1925 г.	
	Число колл.	Число № №	Число колл.	Число № №	Число колл.	Число № №
Основные экзemplы:						
фотогр. негат.	779	20.418	53	741	832	21.159
» отпеч.		19.714		1.984		21.698
Дублиеты:						
фотогр. негат.	—	15	—	—	—	15
» отпеч.		589		12		601
Всего состоит на 31/хп 1925	—	—	—	—	832	43.473

Мастерские Этнографического Отдела.

I. Открытая в конце 1924 г. металлическая мастерская производила работы по очистке вручную стальными наборами (скобелями) и щетками.

Предварительная подготовка производилась керосином в специально оборудованной ванне. В начале отчетного года установлен электромотор с длинным валом, позволяющий разнообразить процесс механической чистки, с каковою целью приобретен набор моторных щеток жестких и мягких, стальных, железных, медных и волосяных. Однако, вследствие разнообразия форм, комбинирования материалов и общего характера этнографических предметов, приходится помимо мотора производить работу и вручную. Произведенные опыты чистки металлов химическим путем положительных результатов для массовых работ не дали и за отсутствием средств прекращены. Специальных работников мастерская не имеет и обслуживается двумя музейно-техническими служащими лишь в свободное от общих нарядов время, что, конечно, не может не отразиться на качестве и количестве работы.

II. Скорняжная мастерская в отчетном году закончила проработку всех кожаных и меховых вещей, пострадавших от наводнения. Остались невыделанными изделия из рыбьего пузыря и рыбьих кож, над способами рациональной выделки которых сейчас производятся лишь опыты; на местах эти предметы обрабатываются свежей икрой, каковая в Ленинграде ценится слишком дорого, а некоторые сорта ее даже и не имеются в продаже. Обслуживалась мастерская специально приглашенными для этого мастерами. До апреля работало трое.

III. Мастерская по химической чистке и прачешная, работая весь год в высшей степени интенсивно, значительно уменьшили количество вещей, пострадавших от наводнения, но далеко не закончили всей работы, так как с апреля месяца, в виду отсутствия

средств, количество технических сотрудников сокращено. К основной работе в отчетном году постепенно присоединяется новая, вызываемая жизнью Музея, работа по реставрации поступающих коллекций и собраний, а также по раскраске манекенов, муляжей и т. д. Эта мастерская обслуживается двумя специально приглашенными лицами.

IV. Скульптурно-лепная мастерская, в виду оставления службы в Музее реставратором, а затем и его помощником, претерпевает пока нежелательные перебои в работе, так как вновь приглашаемые скульпторы, ознакомившись с несоответствием оклада и требуемой работы, отказываются от занятия штатных должностей. Тем не менее прерванная наводнением работа этой мастерской в сравнении с прошлым годом выливается в более значительные числовые данные и постепенно переходит к удовлетворению текущих нужд Отдела. Что касается предметов, пострадавших от наводнения и относящихся к роду деятельности этой мастерской, то таковые за отсутствием средств в отчетном году почти не реставрировались, если не считать небольшой работы, произведенной в летние месяцы специально приглашенным лицом. Обслуживается мастерская одним скульптором и одним музейно-техническим служащим, работающим, как в этой, так и в манекенной мастерской.

V. Манекенная мастерская. Поступление коллекций, требующих новых манекенов, а также необходимость привести в порядок имеющийся материал, заставили срочно, с осени отчетного года, восстановить работу в манекенной мастерской, для чего был приглашен специальный мастер.

Кроме того, в отчетном году была проделана работа по чистке, сушке и переноске гипсовых слепков и форм головок, торсов, бюстов, рук и ног—общим числом около 1000 штук, во вновь оборудованное помещение, где они систематизируются и приводятся в порядок, так как они также пострадали во время наводнения, и многие формы оказались поврежденными.

Работы, исполненные мастерскими в 1925 г. в связи с ликвидацией последствий наводнения.

- I. Мастерская по металлу—вычищено и приведено в порядок 740 предм.
- II. Скорняжная мастерская—выделано мехов и кож 775 предм.
- III. Реставрационная мастерская.

а) реставрация и химическая чистка:

реставрировано головных уборов	760
» листов пергамента	13
» предметов китайского театра	104
» рыбьих кож	34
химическая чистка газовых покрывал, шитых золотом и цветн. шелком	93
химическая чистка шелковых и шерстяных тканей и ковров	79

окраска материи для дублирования ковров и рыбьих шкур	35 метров.
выводка пятен	7350 шт.
разглажено и подклеено буддийских икон	27
разглажено и вычищено буддийских тканей	37
починено ковров и сетей	11
подклеено этнографических предметов разных наименований	10
раскрашено манекенов	19
» пряников	16

б) прачешная:

простая стирка	2100
стирка нелиняющих предметов (вышивки, цветное и проч.)	4030
стирка линяющих предметов, с укреплением красок	3000

с) кроме того в прачешной:

вычищено и промыто изразцов и фрагментов	1100
тоже — гипсовых форм	450

Работы мастерских в связи с текущей работой Отдела.

IV. Скульптурная и лепная мастерские:

склеено и отформовано головок новых	3
собрано, склеено и загипсовано археологич. сосудов	48
изготовлено муляжей пряников	67
восстановлено сосудов	155

V. Манекенная мастерская:

отформовано и собрано новых манекенов	22
исправлено	6
отпечатано по имеющимся формам головок	35

V.

ИСТОРИКО-БЫТОВОЙ ОТДЕЛ ¹.

К началу отчетного года Совет Историко-бытового Отдела определялся следующим составом: Председатель Совета, Заведующий Отделом, Хранитель I Отделения М. Д. Приселков; члены Совета по избранию: А. Н. Бенуа, проф. А. И. Заозерский, С. Н. Тройницкий; члены Совета по должности: Хранитель II Отделения Н. Е. Лансере, Хранитель III Отделения М. В. Фармаковский, Библиотекарь Отдела (он же Секретарь Совета) П. Н. Шеффер, Ассистент М. Л. Егорова, Директор Музея, Ученый Секретарь, Заведующие Художественным и Этнографическим Отделами.

¹ Сост. Заведующим Историко-бытовым Отделом.

В течение отчетного года состав Совета Отдела пополнился Л. Д. Беллевой, избранною 30 марта Ассистентом, а с 15 июля Хранителями Фонтанного Дома б. Шереметевых В. К. Станюковичем и Меншиковского Музея А. А. Крутецким (по делам их музеев), в связи с присоединением названных музеев к Историко-бытовому Отделу.

Продолжая руководить деятельностью Отдела, Совет в течение 1925 г. сосредоточил свое внимание на двух вопросах ученой жизни Отдела: во-первых, на продолжавшейся общей работе всех научных сил Отдела по изучению быта труда и капитала накануне революции, как ближайшей программной задаче, поставленной еще в 1924 г., и, во-вторых, на включении в общую программную работу Отдела, присоединенных в июле текущего года, трех филиалов: Фонтанного дома б. Шереметевых, Летнего Дворца Петра I в Летнем Саду и Меншиковского Музея.

3 февраля Совет Отдела принял первую отчетную выставку по работе научного персонала Отдела над экспозицией «Быт труда и капитала накануне революции»; 15 февраля выставка эта была открыта для обозрения.

Широкой и сложной теме—быту капитала—Совет в этой выставке положил известные пределы, первоначально сосредоточив изучение Отдела на купеческом бытовом портрете XVIII—нач. XX вв. Собрав значительный и разнообразный материал этого рода по столичному купечеству (частью привлеченный из Москвы), изучив его и систематизировав, Отдел выяснил довольно скоро беспредельность в данных условиях своей работы дальнейшего накопления материалов, в существе лишь численно обогащавшего выставку, но очень мало могущего разнообразить или углубить основные черты добытого. Разумеется, дело обстояло бы иначе, если бы Отдел располагал средствами на экспедиции в провинцию, которая внесла бы почти отсутствующие на выставке материалы по провинциальному купечеству после 1861 г., а может быть и пополнила географически неширокий материал выставки (из собраний М. Ф. Плюшкина и Н. Ф. Романченко) по провинциальному купечеству до реформы. Развернув в условиях данного помещения выставки систематизированное собрание купеческих портретов в хронологическом порядке, выделяя внутри известных периодов портреты купечества торгового от промышленного, позднее и денежного, Отдел только сопоставлял с этим основным стержнем выставки другие источники и материалы по купеческому быту (мебель, утварь, платье, документы и т. п.), не имея пока возможности в отношении их провести подобного же систематизированного изучения. Надо иметь в виду, что купечество до-реформенное всячески стремилось выйти в дворянство из своего податного состояния, не любило и не дорожило своею фамильною стариною, и эта последняя черта продолжает в огромном большинстве случаев жить в купечестве и в последующее время. Поэтому самое нахождение материалов по купеческому быту представлялось делом нелегким и требующим большой затраты времени и сил. Только в двух моментах выставки было найдено допустимым дать опыты законченных реконструкций купеческой парадной обстановки: комнату купца Сердюкова (нач. XVIII в.) в Вышнем Волочке

и зальце купца-торговца средней руки 40—50 гг. XIX в. Первую задачу выполнил Хранитель Н. Е. Лансере, вторую—Хранитель М. В. Фармаковский. Подобное отступление от общего плана диктовалось с одной стороны исканием методов историко-бытовых экспозиций, с другой стороны наличием соответственных материалов в собраниях Отдела и не слишком сложным изучением, необходимым для поставленных тем. Самый характер основы всей выставки — бытовой портрет — сосредоточивал внимание на частном быте купечества, хотя Отдел и привлек на выставку, правда, в далеко недостаточном размере, материалы и по другим сторонам купеческого быта. Из этих сторон, скорее пока лишь намеченных, чем всесторонне и полно представленных, одна должна в будущем, по общей мысли подготовляемой экспозиции, развернуть в исторической последовательности роль купечества в общем укладе русской культуры, в по-реформенное время уже руководящую и направляющую и в области просвещения, и в области искусств.

Изучение быта, взятое не как художественное творчество, а как научное задание, не как собрание пережитков, более или менее любопытных, в тех или иных слоях городской среды, а как систематическое воспроизведение движения и взаимодействия быта всех слоев этой среды в исторической последовательности,—такое изучение требует прежде всего тщательного выяснения всей сословно-экономической основы за изучаемый период времени для уверенных выводов и систематизированного построения. В этом смысле определение роста и размаха торгового и промышленного капитала, численного состава купечества, соотношение его слоев и ступеней, как для столиц, так и для провинции, проведенное как историко-статистическое изучение на пространстве XVIII—нач. XX вв., только и может дать новый стержень, на котором возможно было бы предпринять углубление и переустройство данной выставки купеческих портретов, как дальнейший этап к выполнению поставленной Советом темы по истории быта капитала в целом. Только на этой основе выставка смогла бы, оторвавшись от условных сочетаний портретов с теми или иными материалами по купеческому быту, перейти к воспроизведению всех сторон бытового купеческого уклада, к подлинной выставке по купеческому быту XVIII—XX вв. Указанное выше социально-экономическое исследование, как основа исторического изучения эволюции бытовых укладов всех слоев городской среды, должно заменить ту художественную интуицию, с которою литература и живопись из окружающей действительности выхватывают и показывают современникам типичное в повседневном.

Русское бытовое прошлое, характерное в своей быстрой сменяемости и текучести, как и сама социальная среда, рождающая быт, во многом требует от исследователя особой осторожности и взвешенности выводов. Само собой разумеется, что для подобного исследования основ бытовых построений требуется прежде всего время, архивные занятия, привлечение и разработка часто новых источников, до того не привлекавшихся в историческом изучении (например, для купечества), никогда так отчетливо вопросов социального строя пред собою не ставившего. Оставляя поэтому пере-

устройство и углубление данной выставки купеческих портретов в выставку купеческого быта до завершения указанного выше изучения купечества, его сословной численности и экономической мощи на протяжении XVIII—XX вв., рассчитывая к этому пополнить путем экспедиций недостающие в работе материалы по провинциальному купечеству, Совет решил прежде того приступить к осуществлению второй отчетной выставки, начатой подготовкой еще одновременно с первой: «Материалов по рабочему быту XVIII—нач. XX вв.».

Выставка купеческого портрета потребовала больших усилий для привлечения и разыскания материалов, лишь частью имевшихся в собраниях Отдела. Под руководством Хранителей эта работа была выполнена частью сотрудников, из коих больше всего потрудился Научн. Сотр. А. А. Пазухин. Устройство выставки осуществляли: под руководством Хранителя Н. Е. Лансере: Научн. Сотр. А. А. Пазухин (II, III и IV залы), Научн. Сотр. Е. А. Райкова (V); под руководством Хранителя III Отделения М. В. Фармаковского: внештатн. Научн. Сотр. М. З. Крутиков (VI), Научн. Сотр. А. Я. Хрущева (VII), Научн. Сотр. Е. В. Медведев (IX), Ассистент М. Л. Егорова (XI). Отдельные поручения выполняли: внештатн. Научн. Сотр. М. З. Крутиков (подготовка и осуществление диаграмм), Ассистент Л. Д. Беляева и Научн. Сотр. Н. М. Шарая (женские украшения и платья), Научн. Сотр. С. Д. Якимов и Научн. Сотр. А. В. Минеева. Залы, посвященные купечеству на театре, устраивались силами Музея Актёатров при участии Хранителей Историко-бытового Отдела; зал I выполнен Хранителем Н. Е. Лансере; зал VIII и X—Хранителем М. В. Фармаковским. Общее число экспонатов свыше 1,650¹.

Если первая выставка по купеческому бытовому портрету, при всем несовершенстве изучения данного быта во всей его полноте, оставляет у посетителя все же известное впечатление парадной стороны этого быта, то это должно быть относимо, конечно, к необыкновенной бытовой яркости данной среды, оживающей в известной мере даже и в этом аспекте. Открытая с 15 февраля по 1 июля, а затем с 15 ноября (по два раза в неделю) «купеческая» выставка дала 9.780 посетителей (351 экскурсия, при 6.162 экскурсантах, и 3.618 отд. лиц). По условиям помещения подобного рода посещаемость нужно считать едва ли не предельной.

Отвлечение большей части материалов, предоставленных постановочной частью Актёатров, и материалов по началу XVIII века для выставки по «Русскому быту начала XVIII века» в Летнем Дворце вызвало переустройство некоторых зал выставки, выполненное Хранителем М. В. Фармаковским.

Разработка темы и подготовка материалов для второй отчетной выставки Отдела, посвященной быту труда, в гораздо большей степени, чем «купеческая» выставка, потребовали времени потому, что здесь решено

¹ Подробнее см. М. Д. Приселков. Купеческий бытовой портрет XVIII—XX вв. Лгр. 1925.

было изучать и собирать бытовой уклад во всей широте этого термина. Первоначальная постановка темы выставки, как быт металлистов Ленинграда, весьма скоро оказалась мало плодотворною и даже труднейшею, чем более широкая тема—быт рабочих разных производств. Опираясь на изучение предреволюционного быта, улавливая его черты в современном и стараясь закрепить на предполагаемой выставке еще живущие целостные куски этого быта, исследователи весьма скоро почувствовали необходимость экскурсов в более далекое прошлое, для понимания его отражений в изучаемый момент как в быте, так и в производстве. Так постепенно и без колебаний работа развернулась в более широкое задание «Материалов по рабочему быту XVII—нач. XX вв.» Выставка эта, может быть после небольшого введения: «Рабочий в изобразительном искусстве, в музыке, театре и литературе» (материал собирают сотр. К. А. Михельсон и Библиотекарь Отдела П. Н. Шеффер), будет представлять две неравномерные части: «историческая» (с конца XVII в. до 70-х гг. XIX в.) и «основная» (с 70-х гг. до 1917 г.). Первая часть, представленная, главным образом, картами, диаграммами, архивными документами, планами, иллюстративным материалом и образцами производства, потому что найти бытовых вещей этого времени почти невозможно,—даст посетителю картину рабочего быта от эпохи «зачатков русской промышленности» (XVII в.) через эпоху XVIII в. с ее борьбою дворянской и купеческой промышленности, с дворянскими фабриками «для себя», с фабриками крепостных владельцев и т. п., к эпохе XIX в. до реформы, когда развивается промышленность на свободный рынок, и, наконец, переходной эпохе до 70-х гг. XIX в. (Архивный материал собирает и обрабатывает Научн. Сотр. С. П. Киселевская).

Основная часть выставки должна представить картину формирования пролетариата и его роста, завершившегося в наше время эпохою диктатуры. После выяснения обще-экономических линий развития, от 1870-х до 1917 г. и развития за это же время техники производства (Научн. Сотр. В. А. Каменский), основная часть выставки распадается на четыре отдела: управление заводом и рабочий (Научн. Сотр. С. Д. Якимов и Научн. Сотр. А. А. Степанов), рабочий в производстве и на заводе, домашний быт рабочих, общественная жизнь рабочих. Выставка касается быта рабочих сезонных (золотоискатели, кирпичники—Хранитель М. В. Фармаковский, артели плотников в городе—Научн. Сотр. Е. В. Медведев), рабочих примитивных производств (канатная фабрика—Научн. Сотр. Н. М. Шарая), чернорабочих на крупных предприятиях (Научн. Сотр. Н. Е. Борисова и Научн. Сотр. Е. А. Райкова), текстильщиков в его основном слое (нынешние 3 и 4 ряды—Хранитель М. В. Фармаковский, Научн. Сотр. Е. А. Райкова, Научн. Сотр. Н. М. Шарая, Научн. Сотр. А. В. Минеева), металлистов (7—8 ряды) горячего и холодного цехов (Научн. Сотр. Е. А. Райкова, Научн. Сотр. Е. В. Медведев, Научн. Сотр. А. А. Пигорева, Научн. Сотр. С. Д. Якимов, Научн. Сотр. А. В. Минеева), электротехников (Ассистент Л. Д. Беляева) и, наконец, мастеров (Ассистент Л. Д. Беляева, Научн. Сотр. А. В. Минеева и Хранитель М. В. Фармаковский). Конечно, материалы на выставку

будут взяты из рабочей жизни, главным образом, Ленинграда, лишь с привлечением ближайшего провинциального быта (командировки М. В. Фармаковского в Петрозаводск, Шлиссельбург и по реке Неве и Научн. Сотр. А. В. Минеевой в Колпино), потому что Отдел не имел средств даже на то, чтобы сохранить и развить наладившуюся было связь с работами Культкомиссий Пермских и Тульских заводов. (Материалы по золотоискателям предоставлены Этнографическим Отделом). Несмотря на пережитую пору хозяйственных кризисов, на быстрое переустройство быта рабочих в настоящее время, оказалось возможным не только восстановить быт до революционного времени, но и собрать подлинный его материал для полного воспроизведения обстановки комнат и рабочих квартир: артельная комната плотников; квартира, населенная рабочими канатной фабрики; угол чернорабочего без койки; койка на двух; комната текстильщиков в две семьи с двумя койками на двух; комната металлиста горячего цеха; две комнаты металлиста холодного цеха; комната электро-техника; комната из квартиры мастера. Изучение производства дает возможность представить на выставке любопытные образцы прошлых этапов производства: применение в качестве двигателя водяной силы (формы до изобретения парового двигателя) в металлическом производстве и даже мускульной силы (в производствах примитивных). Заключительная часть выставки—четвертый отдел: «Общественная жизнь рабочих» (с 1870-х гг. до 1905 г. и с 1905 г. по 1917 г.—Научн. Сотр. М. З. Крутиков).

Такая широкая программа выставки объясняется двумя соображениями: во-первых, исследователь здесь находится в более благоприятной обстановке, в смысле предшествующего изучения материалов, чем при изучении быта купечества, и, во-вторых, этой работе Отдел смог отдать гораздо больше и времени и сил. К сожалению, время для подготовки выставки грозит затянуться, потому что в настоящих условиях своего помещения, в связи с наводнением 1924 г., Отдел не может и думать о сложении данной выставки, требующей площади, по крайней мере равной занятой выставкою «купеческою» (ок. 150 кв. саж.). Впервые вводя в музейное дело подобного рода материалы, Отдел не может не надеяться на поддержку в своей работе и в смысле приискания помещения, и некоторых дополнительных ассигнований на устройство выставки.

Второй круг вопросов, занявших внимание Совета во второй половине года, поднялся в связи с присоединением к Отделу Фонтанного Дома б. Шереметевых, Летнего дворца Петра I в Летнем Саду и Меншиковского Музея. Более всего Совет приветствовал присоединение Фонтанного Дома по той возможности обработки его материалов, которая с одной стороны дала бы картину быта крупнейшего вотчинного хозяйства и крестьянского населения этих вотчин на пространстве двух веков, а с другой стороны дала бы Совету Отдела возможность высказаться по новому для него вопросу об обработке подобного рода памятников быта, созданных революцией.

Исходя из мысли, что быт Фонтанного Дома заключался не в обстановке уцелевших и охраняемых теперь комнат, а протекал в них, как в раме, слагаясь из разнообразных моментов и определяясь многочисленными факторами и процессами, далеко выходя за стены Фонтанного Дома, Совет (в заседаниях 30 июня и 22 октября) решил использовать пустующее помещение дома (б. танцевальный зал и прилегающую к нему квартиру) под особого рода выставку по истории быта, вводящую посетителя в обозрение существующих и охраняемых комнат. Опираясь на превосходный архив, имеющийся в доме и составляющий непрменный бытовой элемент всякого барского дома, Совет разработал план указанной выше выставки, долженствующей представить в исторической последовательности все огромное и сложное хозяйство Шереметевых в целом и в отдельных их вотчинах, с доходами, расходами, системой управления, способом проживания, сопоставляя при этом барский быт владельцев с бытом их крепостного крестьянства. Заключительным моментом осмотра всего Фонтанного Дома должна быть карта использования Шереметевских земель после Октябрьской революции. Совет полагал при этом, что ни один музей быта Ленинграда и его окрестностей не может представить ни повода, ни материалов для воспроизведения быта эпохи крепостного права, как это имеет место в Фонтанном Доме. Для подготовки выставки Совет выделил две комиссии, одна из которых (Хранители В. К. Станюкович и Н. Е. Лансере) собирает необходимый вещественный и графический материал по Шереметевскому быту за двести лет, а другая (под руководством члена Совета А. И. Заозерского) изучает и обрабатывает архивный материал. Совет надеется, что под руководством Хранителя Этнографического Отдела Д. А. Золотарева будет привлечен и материал по быту крепостной деревни из собраний Этнографического Отдела.

Подготовка выставки протекает, к сожалению, в тревожной атмосфере, в виду угрозы изъятия архива Центрархивом в Москву. По расчетам Совета основные архивные работы могли бы быть закончены летом текущего года, а открытие выставки осуществлено осенью.

Присоединение двух других филиалов — Летнего Дворца Петра I и Меншиковского Музея — дало в существе Отделу лишь здания без всякого почти музейного материала. Как летнее помещение, Летний Дворец Петра I не может претендовать на развертывание в нем постоянной выставки, и Совет решил при первой к тому возможности сделать опыт временной выставки русского быта начала XVIII в., т. е. построения всей полноты быта известного исторического момента. Празднование 200-летнего юбилея Академии Наук СССР вызвало мысль приурочить эту выставку к юбилею, отодвинув для того все очередные работы Отдела, но не нарушая хода работ по изучению рабочего быта. В виду этого Совет вынужден был привлечь к работам по выставке в Летнем Дворце наряду с научными сотрудниками Отдела и сторонних лиц. Главные силы, под руководством члена Совета А. И. Заозерского, подготовили в весьма краткий срок, оставшийся для осуществления выставки, материалы для ряда карт, планов

и диаграмм, рисующих быт данной эпохи (государственный бюджет и распределение его статей за первую четверть XVIII в., военные расходы и их состав, сословный строй конца XVII в. и его переустройство за время реформы Петра I, схема нового государственного аппарата и карта губерний, карта промышленности, ввоз и вывоз, торговые пути, заработная плата на заводе в 1714 г. и цены на съестные припасы, дворянское землевладение 1696 г., издательство по отраслям знания и т. д.), которые были выполнены под руководством Хранителя Н. Е. Лансере внештатным Научным Сотрудником Отдела М. З. Крутиковым. Остальные сотрудники под руководством Хранителя М. Д. Приселкова и при участии Директора Музея Н. П. Сычева, Хранителя М. В. Фармаковского и Ученого Секретаря Н. П. Черепнина собрали значительный вещественный и изобразительный материал из многих музеев Ленинграда, его окрестностей и даже Оружейной Палаты в Москве (Библиотекарь П. Н. Шеффер, К. А. Михельсон, Д. С. Шилкин, Научн. Сотр. С. П. Киселевская, Научн. Сотр. А. А. Степанов). План выставки, частью в зависимости от помещения, был выработан и осуществлен (под общим руководством Хранителя Н. Е. Лансере) в следующем виде: нижний этаж — война и военная реформа (Д. С. Шилкин), управление и дипломатия, политическая полиция и казни (Научн. Сотр. Е. А. Райкова), деятели управления (Научн. Сотр. А. В. Минеева), верхний этаж — быт торгового капитала и Санкт-Петербург, начатки промышленности и материалы по рабочему быту, дворянство и крепостные (Научн. Сотр. С. П. Киселевская), новая светская культура (К. А. Михельсон), забавы двора и дворянства, личный быт Петра I (Научн. Сотр. А. А. Степанов). Выпадая из изложенного плана, остались две комнаты нижнего этажа, которые по своим данным были использованы для выставки придворного столового и кухонного обихода эпохи (Хранитель Н. Е. Лансере и Научн. Сотр. А. В. Минеева), и две комнаты верхнего этажа, одна из которых прекрасно сберегла стенную роспись, а другая облицовку голландскими изразцами. Отдельные поручения по выставке выполняли: Научн. Сотр. О. И. Генерозова, Научн. Сотр. Н. А. Васильева и Научн. Сотр. Л. С. Пискунова.

На выставку удалось привлечь до 1.440 предметов (не считая рукописного материала¹. Благодаря содействию Заведующего музеями ЛОГ Г. С. Ятманова и особым ассигнованиям Музейного Отдела ЛОГ, в связи с выставкой были предприняты ремонт и окраска дворца, как внутри, так и снаружи под руководством архитектора О. М. Равицкой. Выставка открылась 8 сентября и закрылась в виду ранних морозов — 15 окт. т. г. За указанный срок, несмотря на некоторые ограничения доступа, вызванные теснотой помещения, выставку посетило 2.125 чел.

Меншиковский Музей, как вполне оборудованное и удобное помещение, может безусловно годиться для устройства в нем, как в архитектур-

¹ Подробнее см. М. Д. Приселков. Русский быт первой четверти XVIII в. Лгр. 1925.

ной раме начала XVIII в., постоянной выставки, посвященной эпохе создания и первых лет жизни города. Однако эта возможность, весьма не безразличная для культурной жизни Ленинграда, не отвечает наличию у Отдела достаточных для того материалов, что и вынуждает пока оставить Музей в его прежнем весьма неудовлетворительном виде.

Переходя к отчету о работах в Отделениях и Библиотеке, нельзя не указать на два обстоятельства, затруднявшие и замедлявшие эти работы. Подготовку и «купеческой» и «рабочей» выставок, в виду новизны дела и целого ряда других соображений, Совет поставил, как задание всему Отделу, без различия Отделений, направив на работу, в виду малочисленности всего научного состава, даже и сотрудников из Библиотеки. Уже одно это, конечно, является достаточным, чтобы понять, как тяжело протекает внутренняя жизнь Отделений и Библиотеки. В Отделе еженедельно происходят общие собрания всего научного персонала для докладов, обсуждений и выработки методов исследования и изучения поставленных Советом тем. Поэтому только самая неотложная работа по инвентаризации протекает урывками в Отделениях и Библиотеке. Впрочем, если бы научный состав Отделений имел и больший досуг, все же теснота помещений и, главное, неотапливаемость их зимой—все равно не дали бы возможности в должной мере поднять и углубить работу научного персонала над коллекциями Отделений.

За истекший год основные собрания Отдела возросли до 46.298 предметов, причем покупкою приобретено 79 предметов, 327 предметов получено в дар и 2.203 предмета переданы из Государственных хранилищ. С присоединением филиалов общее число предметов возросло до 62.687. Сверх того Библиотека Отдела получила за истекший год: книг 133 тт., 9 рукописей, 1 рисунок, 292 гравюры, 595 литографий, 3 репродукции, 45 печатных листов, 1 план, 1 альбом. Из этого числа только 39 книг приобретены покупкою. Количество негативов за год возросло на 242, фотогр. отпечатков на 2.389. В это число не входят негативы и отпечатки, сделанные в связи с изучением рабочего быта, так как исследовательские отчеты сотрудников с приложением фотографий и материалов в отчетном году еще не поступили.

Из всех приобретений Отдела за истекший год надлежит особо выделить по ценности: два бокала начала XVIII в. русской работы, две грамоты 1703 и 1708 гг., выданные купцу Саватееву на проезд в Китай (из Худ.-Эксп. Комиссии при ЛОГ), покрывало из шелковых и парчевых кусков 1767 г. (дар С. В. Никоновой), фортепиано 1840-х годов (дар проф. Н. Ф. Финдейзена). В числе учреждений и лиц, предоставивших материалы в дар Отделу, надлежит упомянуть: Об-во Поощрения Художеств, Лен. Отд. Общ-ва «Хлебопродукт», Культпросвет Выборгского Района, Балтийский Судостроительный завод, Гос. Книжный Фонд, Ленинградский Союз Металлистов, Музей Актратров, Об-во франко-русских заводов, Об-во Древней Письменности и Искусства, Академию Наук СССР, Институт Археоло-

гической Технологии и Музей города, П. К. Степанова, проф. А. Е. Преснякова, Н. Е. Лансере, М. В. Фармаковского, П. Н. Шеффера, С. П. Яремича, Я. М. Каплан, К. А. Щавинскую, П. И. Нерадовского, С. Д. Якимова, Е. А. Райкову, А. И. Чулкову, В. И. Алексееву, Т. В. Богданову, Е. С. Говорову, Н. П. Черепнина, А. А. Бобровскую, Б. Д. Гиммера, Л. И. Жевержеева, Ф. А. Кризенталя, М. З. Крутикова, А. И. Соболевского, А. С. Степанова, А. В. Терликову, И. М. Серпухова, В. К. Станюковича, Д. С. Шилкина, Д. Р. Романченко.

Научно-исследовательская работа Отдела по изучению истории быта в связи с подготовляемыми выставками занимала все научные силы Отдела, весьма мало оставляя времени для других сторон изучения музейного материала. Отдел предполагает по завершении выставки опубликовать «Материалы и труды Историко-бытового Отдела по изучению рабочего быта» т. I, в который войдут отчеты научного персонала в своей работе.

М. Д. Приселков напечатал в связи с открытием выставок Отдела: 1) «Купеческий бытовой портрет и материалы по купеческому быту XVIII—XX вв.» и 2) «Русский быт первой четверти XVIII в.» (оба—издания Музея); состоял профессором Ленинградского Государственного Университета (по факультетам Языка и Материальной Культуры и Географическому), где сверх курса и занятий по русской истории вел занятия по музейному делу (с двумя группами) и по методике изучения и собирания бытовых материалов (быт рабочих Ленинграда до революции).

Н. Е. Лансере напечатал: «Примеры нового жилищного строительства СССР.» (в справочнике «Двигатель»); вел занятия по архитектурной композиции в Гос. Архитектурном Институте; подготовил к печати статью: «Иностранцы архитекторы в России»; изучал материалы по бытовой обстановке XVIII в.

М. В. Фармаковский напечатал «Скульптура Государственного Фарфорового Завода» (в сборнике «Русский Художеств. Фарфор», Ленгиз); подготовил к печати: «Быт металлистов Ленинграда перед революцией»; собирал материалы по рабочему быту в Ленинграде, на Олонцких заводах, в Шлиссельбурге и на Невских кирпичных заводах; изучал керамические материалы с точки зрения их консервации и реставрации; читал лекции на АРХО Лен. Университета по археологической технологии и на курсах в Институте Искусств по технологии живописи и скульптуры, музееведению и музеографии; состоял Ученым Секретарем Института Археологической Технологии при Гос. Академии Искусств Материальной Культуры.

П. Н. Шеффер возобновил (по поручению Археографической Комиссии) работу по переизданию «Повести временных лет» для практических занятий в высших учебных заведениях; вел по поручению Института Искусств практические занятия по музееведению с группой слушателей Театрального Отделения; работал в Обществе Древней Письмен-

ности и Искусства в качестве Заместителя Председателя; работал по вопросам о задачах Театрального Музея; собирал библиографические материалы по вопросам русского быта.

Л. Д. Беляева занималась изучением мод и материалов мужских и женских костюмов XVIII—XIX вв. по Шереметевскому архиву; изучала и собирала материалы по быту мастеров Ленинграда для подготавливаемой выставки.

М. Л. Егорова напечатала: 1) «Музей Гос. Фарфорового завода», 2) «Марки Гос. Фарфорового завода» и 3) «Библиография о Государственном Фарфоровом заводе» (все три—в сборнике «Русский Художественный Фарфор», Ленгиз); изучала технику резьбы по дереву по коллекции Отдела подносных резных деревянных блюд.

Е. В. Медведев напечатал: «Изучение быта фабричных рабочих» (в журнале «Экономика», Пермь); изучал типы рабочих домов и быт металлистов средней квалификации и сезонных рабочих в Ленинграде в связи с подготавливаемой выставкою.

В. А. Каменский изучал историю развития техники металлического и текстильного производства, в связи с подготавливаемой выставкой, и работал по вопросам приспособления форм макета к предполагаемому выставочному материалу.

А. В. Минеева изучала и собирала материалы по быту Колпинских рабочих, в связи с подготавливаемой выставкой Отдела.

Е. А. Райкова изучала и собирала материалы по быту чернорабочих и металлистов горячих цехов Ленинграда, в связи с подготавливаемой выставкой.

Н. М. Шарая изучала и собирала материалы по быту рабочих примитивных производств и текстиля в Ленинграде, в связи с подготавливаемой выставкой Отдела.

А. Я. Хрущева состояла членом Общ-ва изучения быта русской усадьбы; изучала и систематизировала купеческие бытовые коллекции Отдела; работала над вопросами дворянского быта 30—40-х гг.

С. П. Киселевская изучала и собирала архивный материал по истории рабочего быта XVIII—XIX вв. для подготавливаемой выставки; работала в архиве Шереметевых по вопросам вотчинного управления XVIII—XIX вв.

Л. С. Пискунова работала по вопросам музейной инвентаризации; изучала бытовые портреты XVIII в. по коллекциям Отдела.

А. А. Пигорева изучала и собирала материалы по детскому и женскому труду и быту рабочих металлической и текстильной промышленности Ленинграда, в связи с подготавливаемой выставкою.

А. А. Степанов работал в архиве Шереметевых по вопросам вотчинного быта XVIII—XIX вв.; изучал и собирал материалы по управлению текстильными заводами в 90—900 годах.

Н. Е. Борисова изучала и собирала материалы по быту чернорабочих Ленинграда, в связи с подготавливаемой выставкой.

С. Д. Якимов изучал и собирал материалы по заводууправлению металлических заводов Ленинграда 90—900 гг. для подготовляемой выставки Отдела.

М. З. Крутиков изучал и собирал материалы по общественной жизни рабочих с 80-х г. XIX в. до революции 1917 г.; работал над вопросами экспозиции фотографического и статистического материалов; подготовил к печати две статьи: 1) Как строить музеи профдвижения и 2) Опыты применения комплексного метода в строительстве бытовых музеев.

VI.

ИЗДАТЕЛЬСТВО.

В издательском отношении отчетный год характеризуется значительным улучшением. В то время как в 1924 г. Русскому Музею совершенно не было отпущено кредита на издательство, в 1925 г. Музей, помимо ассигнования в сметном порядке (700 руб.), получил из сверхсметного кредита, который был предоставлен Совнаркомом Наркомпросу на научное издательство, особые средства на издание «Фрески Спаса-Нередицы» и «Материалы по этнографии» т. III. Это обстоятельство, в связи с небольшими суммами от продажи изданий Музея и отчислений из специальных средств от входной платы, дало возможность несколько расширить издательскую деятельность Музея.

Помимо ограниченности денежных средств, большим затруднением в развитии издательской деятельности Музея является необходимость для изданий Музея, требующих за немногими исключениями значительного числа иллюстраций, пользования бумагой высокого качества и технически совершенными иллюстрационными способами. Осуществление этого в условиях нашего времени представляется крайне трудным, нередко почти невозможным. Только типографии имени Ивана Федорова, сохранившей опытных руководителей и мастеров в области автотипии, фототипии, наборного и печатного дела, Русский Музей обязан тем, что свои издания он может выпускать удовлетворяющими необходимым техническим требованиям.

В течение года Музеем были изданы: 1. Отчет Государственного Русского Музея за 1923 и 1924 гг. — С приложением статей: а) Проф. А. А. Миллер. Музейная мебель и ее оборудование. б) Проф. Я. Л. Окуневский и Доц. П. А. Пацановский. Сероуглерод в дезинфекционной практике. 2. Musée Russe. 3. Фрески Спаса-Нередицы. Текст В. К. Мясоедова и Н. П. Сычева. 4. Музейное дело. Вып. I. А. И. Зарембский. Регистрация, хранение и учет коллекций в Этнографическом Отделе Государственного Русского Музея. 5. Музейное дело. Вып. II. А. А. Миллер. Музейная мебель и ее оборудование. 6. Музейное дело. Вып. III. Проф. Я. Л. Окуневский и Доц. П. А. Пацановский. Сероуглерод в дезинфекционной практике. 7. А. П. Иванов. И. Е. Репин. — С приложением каталога юбилейной выставки произведений

И. Е. Репина. 8. Е. К. Мроз. Выставка произведений Ф. С. Рокотова. 9. Каталог выставки произведений Ф. С. Рокотова. 10. Б. Г. Крыжановский. Украинские и румынские килимы. 11. Памятка для местных сотрудников Ленинградской экспедиции Этнографического Отдела Государственного Русского Музея, сост. Д. А. Золотаревым. 12. Проф. М. Д. Приселков. Купеческий бытовой портрет XVIII—XX вв. 13. Проф. М. Д. Приселков. Русский быт первой четверти XVIII в. 14. Проф. В. М. Алексеев. Китайский культ бога Гуаня. 15. Е. Э. Бломквист. Набивание холста. 16. Е. Э. Бломквист. Полотенце в народном быту. 17. Н. П. Гринкова. Красота. Отпечатана также часть III тома Материалов по этнографии. Этими изданиями потребность Музея была удовлетворена лишь в незначительной степени. За отсутствием средств осталось не осуществленным издание ряда научно-исследовательских работ по Художественному, Этнографическому и Историко-бытовому Отделам, всего в общей сложности, не считая каталогов и путеводителей, свыше 200 листов. Увеличение средств на издательство Музея является настоятельно необходимым, так как без этого невозможно выявление его научно-исследовательской деятельности и надлежащее развитие культурно-просветительной работы.

Некоторое оживление издательской деятельности Музея и увеличение числа его изданий дало возможность расширить обмен изданиями, являющийся, при крайней ограниченности кредитов на научные надобности, наиболее действительным источником пополнения Библиотек Музея. В истекшем году Русский Музей посылал в порядке обмена свои издания 67 учреждениям и лицам в пределах СССР и 42—за границу.

Н. В. ИСАЧЕНКО

РАБОТА НАД ТКАНЯМИ, ПОСТРАДАВШИМИ В ЭТНОГРА-
ФИЧЕСКОМ ОТДЕЛЕ ВО ВРЕМЯ НАВОДНЕНИЯ.

До 1924 года все коллекции Этнографического Отдела, не помещенные на постоянную выставку и составляющие его научный резерв, хранились в обширных подвалах Отдела, специально приспособленных для этой цели. Во время наводнения вода, наполнившая выемку для фундамента недостроенной части здания, подняла сложенные здесь дрова, вышибла ими ворота в котельную центрального отопления, и отсюда бурный поток пронесся через все подвалы, ломая в некоторых местах полки и сдвигая тяжелые шкафы. Когда вода была удалена, подвалы представляли картину полного разгрома. Все вещи были перепутаны, сброшены со своих мест, много керамики и стекла побито, все ткани промочены и загрязнены.

Приведение в порядок коллекций и резерва в целом потребовало много труда, времени и денег. На существовавшие и вновь организованные мастерские Отдела легла работа исключительной важности и трудности. Мастерские не были подготовлены к такой массовой и спешной работе; не было достаточного личного состава, подходящего помещения, необходимых приспособлений и, главное, денежных средств.

Нам кажется, что эти обстоятельства не уменьшают, а, пожалуй, увеличивают интерес сделанной нашими мастерскими работы: ведь, это то самое положение, в котором находятся все музеи, крайне стесненные материально. И, быть может, в предлагаемой статье Н. В. Исаченко самое интересное именно то, что вся огромная работа над тканями была проведена с хорошим результатом при применении лишь самых простых и общедоступных средств и приемов, не пользуясь дорогими препаратами, которые к тому же было невозможно достать даже в Ленинграде.

Статья Н. В. Исаченко отнюдь не руководство. Это только простое изложение тех приемов, которыми пользовалась мастерская по тканям в минуту спешной и массовой работы. В этой работе ни одно средство, указанное в русской или иностранной литературе, не было применено в широком масштабе, пока рядом проб не был проверен его действительный эффект. Быть может, опыт Этнографического Отдела окажется полезным при других аналогичных работах над тканями.

Б. Крыжановский.

I.

Когда вода спала, все силы были мобилизованы для извлечения вещей из залитых помещений. Сундуки вытаскивались во двор, вещи выжимались, развешивались и раскладывались, где только было возможно. При громадном количестве сундуков на это понадобилось несколько дней, и последние вещи вынимались из них совершенно теплые, что указывало на начавшийся процесс тления. Было вполне очевидным, что необходимо промыть вещи, так как даже просушенные предметы издавали зловоние и были покрыты густым слоем грязи из сточных труб.

Немедленно реставрационная мастерская Этнографического Отдела была превращена в прачешную, и началась работа по промывке вещей. Трудность работы увеличивалась теснотой и непригодностью мастерской, все оборудование которой состояло из 5 корыт, двух четырехведерных котлов и нескольких ведер. Только к концу декабря удалось получить механический каток, которым приходилось пользоваться и для отжима целого ряда тканей. Работа производилась в небольшой комнате с простой плитой, служившей и для согревания воды, и для кипячения промытых вещей, и для выводки пятен. Отремонтированная в подвале прачешная не могла быть широко использована, так как отсутствие света мешало правильной работе; ею пользовались лишь при промывке простых тканей и для отмачивания и прополаскивания вещей. Если принять во внимание громадное количество вещей (около 28 тысяч), то станет понятно, в каких условиях протекала работа.

Кроме отсутствия элементарных приспособлений, имеющих в любой современной мастерской, на ходе работ очень отразилось и отсутствие материальных средств. Кроме того, много новейших средств совершенно нельзя было получить, или же дороговизна делала их недоступными; пришлось прибегнуть к тем из давних средств и приемов, которые не могли повредить волокна ткани.

Параллельно с работой в прачешной продолжались работы на чердаке, по сортировке и просушке вещей. В первую очередь отдавались в стирку вещи с признаками гниения и плесени, затем наиболее загрязненные и липкие. Первое время, конечно, не могло быть и речи о систематической работе. Лишь когда все вещи были просушены и не грозило более загнивание, можно было приступить к правильной сортировке еще не промытого материала. Отбирались более или менее однородные предметы, как-то: белые полотняные, бумажные одежды и вещи, нелиняющие вышивки и т. д.

II.

Первая категория—белых вещей—вымачивалась на 12—24 часа в холодной воде. Вымачивание в холодной воде или промывание многих вещей холодной водой рекомендуется вообще для всех тканей по следующим причинам: во первых, продолжительное вымачивание, если возможно

устроить, то в проточной воде, не только размягчает грязь, но и смывает ее; во вторых, холодная вода смывает могущие попасть в грязь белковые части, которые от горячей воды образуют непроницаемую пленку и тем фиксируют грязь. Вода употреблялась простая, невская, так как она не содержит извести и других вредных примесей¹.

При промывке ценных тканей употреблялась кипяченая вода, так как не было дистиллировочного аппарата.

Намоченные таким образом ткани промывались и кипятились обычным способом. Все предметы с пятнами после промывки уже не кипятились, а откладывались в сторону для дальнейшей работы по выводке пятен. Тут опять пришлось столкнуться с вопросом сушки; наступившие холода очень затрудняли работу, приходилось вещи досушивать в устроенной к этому времени в Этнографическом Отделе сушилке.

Сложнее была работа с линючими тканями и вышивками. Если линяла полоска на полотенце или же подол рубахи, то предмет осторожно промывали, не задевая линючего места, которое под конец промывалось в холодной воде и немедленно, как линючая часть, так и широкая полоса вокруг просушивалась утюгом и сушилась в таком положении, чтобы линючая часть не затекла опять. Здесь необходимо остановиться на вопросе о глажении.

Белые вещи, предназначенные для хранения в темном помещении, во возможности, вообще рекомендуется не гладить, а только сильно посинить и прокатать, так как от продолжительного лежания белые глаженные вещи желтеют. В мастерской Этнографического Отдела удавалось удалить такое пожелтение, добавляя в воду для стирки на ведро воды ложки 2 смеси спирта со скипидаром: 2 части скипидара на 3 части спирта, а иногда просто добавлением на ведро воды 2 ложек бензина и просушкой белья на свету. Разумеется, сушка на солнце давала еще лучший результат. При глажении утюг, конечно, не должен быть слишком горячим, чтобы не прижечь ткань. Неприятный блеск от утюга легко удалить влажной губкой. Но мы должны оговориться, что утюг является положительно не допустимым и вредным, когда гладят не промытые вещи, так как тут происходит тот же процесс образования непроницаемых белковых пленок, как и при промывании горячей водой. К вопросу глаженья нам еще не раз придется вернуться.

Стирка цветных нелинючих тканей не представила больших затруднений. При промывке в прохладной воде не было риска их испортить. Некоторые ситцы от долгого нахождения в воде при наводнении потеряли свой блеск, но легкий вареный крахмал или же желатин (1 лист на стакан воды) придавали им прежний вид.

¹ Если вода содержит известь, ее достаточно прокипятить. Гипс удаляют кальцинированной содой или же небольшим количеством щавелевой кислоты и аммиака. Железистая вода требует более сложной очистки. Поэтому лучше брать дождевую или, если есть возможность, дистиллированную воду.

Что касается линючих тканей и вышивок, то обработка их требовала большой осторожности и внимания и индивидуального подхода к каждой вещи в отдельности. Небольшой уголок цветной вышивки или ткани опускался в теплую, горячую и мыльную воду, так как холодная вода часто не дает показаний. Если только вода окрашивалась, то каждый предмет опускался всегда в отдельности для фиксации цвета в закрепительный раствор. После закрепления, ткани промывались обычным образом. Существуют разные закрепители, но в нашей мастерской употребляли почти исключительно квасцы, усиливая раствор, смотря по степени линючести ткани. На сушку линючих вещей обращалось особое внимание, так как невнимательная сушка могла все испортить. Сильно отжимали воду из ткани или сухими полотенцами, разложив предмет на столе, или в несложных вещах, пропуская завернутую в простыню вещь между валиками механического катка. Вообще выжимание вещей, как их выжимают при обычной стирке, вредно, так как волокна ткани ломаются¹.

Отжав линючую ткань, приступали к просушке ее; это достигалось лучше всего держанием ткани в горизонтальном положении; для этого в комнате натягивали ряд веревок и на них распластывали предметы, так как и тут не было необходимых рам и приспособлений. Сушили такие вещи всегда на виду, чтобы возможно чаще просматривать их.

III.

Наладив стирку несложных вещей, приступили к наиболее трудной работе—выводке цветных пятен. Эта часть работы представляла наибольшие затруднения, так как требовала всегда индивидуального подхода, и, вследствие отсутствия химической лаборатории, приходилось делать ряд опытов.

Каждую вещь, предварительно хорошо постиранную, первым делом пробовали отмачивать в холодной воде. Некоторые синие пятна хорошо отходили от такого простого, но продолжительного отмачивания. Затем шли кипячения—простое, в мыльной воде и в щелочи. Не получив удовлетворительного результата таким путем, приходилось прибегать к работе кислотами. Трудно указать точную дозировку кислот и какие пятна какой кислотой лучше сводились. Одинаковое по силе и цвету пятно, сводилось то одной, то другой кислотой, иногда смешение кислот усиливало их действие. Способ работы применялся следующий. Предварительно смочив в воде закрашенное место, чтобы ослабить силу кислоты, опускали предмет в раствор щавелевой или лимонной кислоты (1—5% раствора). Кислота сильнее действует в горячем состоянии. При работе с кислотой требуется очень большое внимание и осторожность, чтобы не прожечь ткань. Пятно, и только одно пятно, опускалось в кислоту, после чего материя быстро и тщательно

¹ К сожалению, с выжимания пришлось начать в первый момент после извлечения вещей из воды, так как иначе стекающей водой были бы залиты все чердаки Музея.

споласкивалась в мыльной воде. Иногда эту процедуру приходилось повторять по несколько раз. Некоторые пятна сходили лишь в том случае, когда после щавелевой кислоты их опускали в соляную кислоту.

В тех случаях, когда пятна были между вышивками, вещь растягивали на кусках полотна или фланели и тонкой щеткой или томпоном ваты смачивали пятно кислотой. Подложенная подстилка впитывала излишек кислоты и не давала ей растечься. Полоскание происходило обычным образом.

На ряду с цветными пятнами пришлось очень много выводить пятен ржавчины. Очень застарелые пятна плохо выводятся, так как в таких случаях материя почти уже проедена ржавчиной, но если ткань под ржавчиной еще плотна, то пятна совершенно сходят. Для этого бралась щавелевая кислота. Процедура выводки аналогична с вышеописанной. Щавелевая кислота употреблялась нами только для белых тканей, для цветных мы брали соляную кислоту или же лимонную кислоту. Для цветных же материй употребляется иногда и кремор-тартар, но из-за кропотливости работы им редко пользовались. Ржавое пятно, смоченное водой, покрывалось тонким слоем мелко истолченного кремор-тартара и оставлялось на несколько минут, затем его протирали руками, чтобы стряхнуть порошок, и промывали в чистой воде.

Пятна плесени выводили составом мыла и поташа: нарезав на кусочки мыло, распускали его в воде, и проваривали хорошенько, пока не получалась густая масса. Этой тягучей массой намазывали пятно, посыпали сверху поташом и оставляли на несколько часов. После просушки, это место тщательно промывали и прополаскивали в холодной воде.

IV.

Шерстяные ткани, если ткань была не очень нежная и ценная, мылись в теплой мыльной воде. Мыло брали всегда марсельское. Более ценные шерсти клались на обитую клеенкой доску, смачивались теплой водой и промывались при помощи губки или тонкой щетки следующим составом: на 1^{1/2} ведра воды—100 гр. марсельского (можно брать также яичное или вообще какое-нибудь нейтральное) мыла и 13 гр. нашатырного спирта или химически чистой соды. Шерсть прополаскивалась в теплой воде. После полоскания давали стечь воде, а при нежной ткани губкой или полотнами отжимали воду и давали ткани просохнуть в горизонтальном положении. Гладили, когда это было совершенно необходимо, шерстяные ткани всегда полусырыми, через мокрое полотно. Если ткань была слишком измята и не поддавалась просушке в натянутом виде или же утюжке, прибегали к аппретуре, однако, в очень редких случаях, когда это было совершенно необходимо. Аппретур существует много. В мастерской употреблялся пшеничный раствор: 3—4 части пшеничных отрубей отваривали в одной части воды и процеживали через кисею; затем смоченной в растворе щеткой проводили по ворсу материи, придавали предмету нужную

форму, просушивали и проглаживали через простыню, смоченную в мыльной воде ¹.

Как на полотняных вещах, так и на шерсти после наводнения было много цветных пятен, происшедших от гарусных вышивок, от цветных отделок и соседних линючих вещей. В мастерской сделали опыт пропускания через натянутую шерстяную ткань горячей воды. Пропускаемая кипящую воду поочередно со спиртом, а иногда—горячим спиртом, удалось достигнуть желательных результатов. Процедура эта, однако, очень медленна. В тех случаях, когда пятна находились вблизи вышивок, последние нужно было часто отжимать и сейчас же заглаживать через полотно, едва только гарус или шелк намокнут.

Вязаные шерстяные вещи мылись с марсельским мылом, нашатырным спиртом или химически чистой содой; в сбитую густую пену опускали вязаный предмет, и вороша его в пене, слегка отжимали руками, так как трением можно было повредить тонкие нити. Потом предмет клали в теплую мыльную воду и оставляли на несколько часов, после чего, прополоскав в тепловатой воде, отжимали в простынях, расправляли, осторожно вытягивали, придавая ему прежний размер. Затем, взяв за концы, вскидывали его на воздухе, пока он не подсыхал. Почти просушенную вещь клали на сухую простыню и прикалывали булавками.

Обычные жировые и потные пятна на шерсти удалялись ксилолом, бензином, хлороформом и эфиром, или же смесью хлороформа, бензина эфира и спирта.

Чернильные пятна на сукне и коврах хорошо сходили от молока. На пятно наливали немного молока, дав постоять, бибулой или ватой оттягивали потемневшую жидкость до полного удаления, при чем иногда повторяли процедуру несколько раз, а затем замывали теплой водой с мылом. При очень застарелых пятнах приходилось прибегать к соляной кислоте, приблизительно до 10% раствора. Для пятен сажи употреблялся следующий состав: 2 яичных желтка вбивали в стакан горячего скипидара, натирали пятно, тампоном отжимали жидкость до тех пор, пока пятно не бледнело, и тогда уже промывали щавелевой или, при цветных тканях, соляной кислотой. Воск, стеарин, парафин, смола и вар—предварительно осторожно снимались острым ножом, а затем хлороформом или спиртом выводилось оставшееся пятно.

Очень застарелые пятна масляной краски и постного масла необходимо было сначала размягчить, для чего пятно густо смазывали свежим, не соленым, маслом и оставляли на день или два. Когда пятно совершенно становилось мягким, его заливали скипидаром и опять оставляли на продолжительное время. Тампоном ваты или ветошкой выжимали образовавшуюся густую маслянистую массу и замывали бензином ², оставшееся

¹ Кроме пшеничной аппретуры употребляют сенегальскую камедь, гумми-трагагант, белужий клей, желатин и др.

² Вместо бензина можно употреблять любое жироразрушающее вещество, причем надо помнить, что некоторыми из них, как, напр., бензолом нельзя чистить при огне, так как пары бензола легко воспламеняются.

пятно. Если бензин не вполне уничтожал пятно, то промывали его эфиром и хлороформом, после чего приступали к мытью предмета.

Мытье ковров и килимов производилось следующим образом: испробовав на уголке линючесть красок, опускали ковер в холодную воду, в такое количество воды, чтобы он свободно плавал, и время от времени ворошили его. Иногда приходилось отмачивать ковер в течение нескольких дней, конечно, меняя воду, когда она становилась грязной. Не раз вода была так темна от грязи, что являлось опасение, не начал ли ковер линять, но после внимательного просмотра всех тонов приходилось убеждаться, что это продолжает отходить грязь. Когда вода становилась совершенно чистой, тогда ковер промывался в мыльной воде и прополаскивался обычным способом. Дав стечь воде, ковер просушивали в натянутом виде или гладили через мокрую простыню. Линючие ковры предварительно закрепляли квасцами.

На 15 промытых ковров и килимов, только один килим пришлось покрыть пшеничной аппретурой.

V.

То небольшое количество шелковых тканей, которое прошло пока через мастерскую, прорабатывалось сообразно с качеством шелка или простым промыванием, при чем промывалось в кипяченой воде с раствором марсельского мыла и спирта в равном количестве или же в воду добавляли немного соды или нашатырного спирта. Для очень ветхих и нежных по тону тканей употребляли яичный желток с несколькими каплями спирта. Желток, тщательно отделенный от белка, выпущенный из мешечка, разбавлялся горячей водой, с добавлением нескольких капель спирта. Способ этот очень стар; он хорош тем, что легко снимает налипшую грязь и не действует разрушительно ни на волокно, ни на цвет ткани. Главное внимание при обработке шелка должно быть обращено на то, чтобы отнюдь не тереть шелка: при промывке на столе и в воде нужно употреблять лишь самые мягкие губки, так как сильное трение может обесцветить его. Очень въевшиеся и застарелые пыльные пятна сходили от хлороформа с яичным желтком или же со спиртом. Желток смешивают со спиртом или хлороформом, покрывают пятно, дают просохнуть, снимают ножом и тщательно промывают.

Бархат очень пострадал от наводнения: загрязненный, измятый он выглядел хуже других тканей. Загрязненные вещи сперва тщательно очищались щеткой от налипшей грязи, осторожно щеткой старались разбить ворс и дать ему однообразное направление. Очень грязные вещи после такой обработки с лицевой стороны, просто споласкивались в большом количестве тепловатой воды, если же это была сложная одежда или не очень загрязненный бархат, то промывали губкой, губкой же отжимали грязную воду. Промыв таким образом бархат, приступали к отпариванию и отделке ворса. Необорудованность мастерской и отсутствие аппа-

рата не позволяли работать сгущенным паром по лицевой стороне бархата, как теперь исключительно принято работать. Пришлось применить старинный способ отпаривания с левой стороны горячими утюгами. Если имелись подкладки, их приходилось подпарывать. Бархат натягивали на раму, а за неимением подходящей рамы прямо на руках растягивали, покрывали очень мокрыми полотнами и очень горячим утюгом пропаривали бархат, смачивая полотно до тех пор, пока не исправлялся помятый ворс. Затем просушивали и тогда уже приступали к окончательной отделке. Несколько капель миндального масла капали на лист сложенной бибулы, покрывали масло несколькими слоями бибулы и проводили жесткой щеткой по замасленной бибуле, после чего приступали к поднятию ворса в измятых местах. Приподняв таким образом каждое пятно прочищали этой же щеткой весь бархат против ворса, чтобы придать ему блеск. В большинстве случаев бархат приобретал свой прежний вид. Дело было непоправимо лишь в тех случаях, когда от долгого лежания в воде совершенно была смыта аппретура, которую очень трудно вновь придать бархату.

Белые газовые и тюлевые покрывала мылись в теплой мыльной воде (бралось марсельское мыло) с равным количеством спирта; вода сбивалась в пену и в ней покрывала осторожно перебирались руками; вода менялась два раза. Затем, погружали в очень горячую воду, которую тоже сменяли два раза. Вещи просушивались и натягивались на войлочные подстилки, покрытые чистыми полотнами. Если такая просушка не давала желаемого результата, осторожно проглаживали.

Кружева мылись обычным образом во взбитой мыльной пене и с применением обычных осторожных приемов мытья нежных тканей. После промывки кружево осторожно вытягивалось, выравнивалось, расправлялось и еще полусырое прикалывалось стальными булавками на покрытый холстом войлок. Эта часть работы над кружевами самая главная. Очень помятые кружева слегка обрабатывали аппретурой из желатина, но чаще всего достаточно было старательно вытянуть их и костяной палочкой или деревянной стекой выдавить рельеф. Большие куски кружева наворачивались, за неимением необходимых валиков, на бутылку и промывались в мыльной воде, путем перекачивания в руках бутылки, чем удавалось избегать порывов, что легко случается при подобных обработках¹.

VI.

Рыбьи кожи были вынуты из воды в самом плачевном виде: это была желатиновая масса, издававшая ужасающий запах. С трудом удалось их развесить, и сушка их была очень продолжительной. Многие кожи со-

¹ На юге Франции существует еще следующий способ мытья ценных кружев. Кружево старательно вытягивается, расправляется, складывается, зашивается в тонкий мешочек и кладется на продолжительное время, иногда на сутки, в оливковое масло; потом оно промывается во взбитой мыльной пене самым обычным образом. В остальном поступают как выше описано.

вершено истлели. Обычный способ обработки кож оказался непригодным для реставрации их. Местное население обрабатывает их следующим образом: свежеснятую шкуру мнут палками и натирают ее икрой той породы рыб, с которой снята кожа. Способ этот не мог быть применен из-за дороговизны и неимения подходящей икры. Было сделано несколько опытов, причем хороший результат дала эмульсия яичного желтка с миндальным маслом. Кожа губкой намачивалась водой, после чего с левой стороны втиралась эмульсия. Дав коже просохнуть, приступали к разминанию ее, но удавалось это очень плохо, так как кожа легко ломалась. Все же одежда из кож не шуршала более, и ее можно было легко складывать. Из-за дороговизны обработки было необходимо искать другой способ. Яичный желток был заменен мылом. Нарезанное маленькими кусочками мыло распускалось в воде, и к проваренной до густоты тягучей массе добавлялось миндальное масло. Намоченную губкой кожу натирали щеткой с левой стороны этой массой, стараясь втиранием приподнять засохший ворс изнанки. После просушки, кожу уже не разминали, а тупой стороной ножа осторожно разрыхляли ворс, как это делается при обработке птичьих шкурок. Способ этот был много дешевле, и пропитанная мылом кожа оказалась более плотной. Слишком жирная кожа промывалась спиртом. Наиболее прочной и удобной для обработки была кожа «амура», кета же была настолько нежна, что работа была необычайно трудна и наибольшее число испорченных одежд пало на кетовые.

При реставрации пергамента посчастливилось воспользоваться помощью Н. П. Лихачева, любезно предоставившего книжки Guareschi «La pergamena» и описание пожара Туринской библиотеки, где точно указана вся рецептура и постановка опытов. Там повреждения пергаментов были аналогичны нашим, так как большая часть спасенных рукописей пострадала более от воды, чем от огня.

Состояние наших пергаментов было много лучше большинства туринских, кроме того, здесь пришлось иметь дело большею частью лишь с единичными листами; имевшиеся две книги были с несклеенными листами, что очень облегчало работу. Поэтому совершенно не пришлось прибегать к влажной камере, которой Guareschi пользуется для размягчения и разъединения листов. Зато трудность реставрации наших пергаментов была в том, что почти все они были с миниатюрами, краски которых большею частью были сильно смыты и дали цветные затеки, и кроме того, покрывающий их слой грязи был очень густ и глубоко пропитал пергамент.

Испытав, линяют ли чернила, погружали лист в чистую теплую воду 25—30°, подержав несколько минут в воде и дав пергаменту намокнуть, его расправляли и, если грязь недостаточно отошла, погружали опять в чистую воду. Если же было большое количество миниатюр, то пергамент не опускался целиком в воду, но его осторожно промывали не задевая миниатюр, затем, чтобы придать пергаменту его прежнюю мягкость, клали в воду с 1⁰/₀ или 1¹/₂⁰/₀ раствором мыла, конечно, нейтрального.

Кроме раствора мыла был испробован еще 1% раствор уксусно-кислого калия, давший те же результаты, почему и был предпочтен более простой способ с мылом, которым исключительно в дальнейшем и пользовались.

Промыв и расправив в воде пергамент, дав ему немного просохнуть, его в полувлажном состоянии клали между двумя толстыми стеклами, покрытыми листами бибулы. Guageschi пользовался деревянными досками. За неимением под рукой подходящих по размеру досок, пришлось заменить их толстым стеклом. Листы не вполне гладкие, еще полусырыми заглаживали едва теплым утюгом через сухое полотно; поступая согласно этому способу и в нашей мастерской были получены хорошие результаты.

Для усиления чернил Guageschi советует брать слабый раствор танина или же серного амония. Тонкой кистью проводят танином по буквам, стараясь не задеть не записанное пространство. Эта предосторожность необходима лишь при работе с танином. В нашей мастерской был сделан лишь один опыт оживления чернил, так как оказалось, что хотя письмо и сильно побледнело, но было достаточно четко и лучше гармонировало с поблекшими миниатюрами.

К категории кож относится и китайский театр. Все фигуры и декорации его вырезаны из прозрачной кожи (предполагают, что это верблюжья кожа), покрытой цветными лаками. До наводнения театр хранился переложенным листами бумаги. Размокшие в воде фигурки прилипли к бумаге, которая плотной пленкой покрыла их и с трудом отходила. Пришлось фигурку за фигуркой осторожно смачивать и пальцем скатывать налипшую с обеих сторон бумагу. Чтобы уничтожить получившийся тусклый вид предметов, пришлось их быстро протирать смоченной в чистом спирте ватой. При этом растворенный спиртом лак ложился более ровным слоем, и фигурки приобретали свой прежний вид. Работа, несложная сама по себе, требовала большой осторожности, так как некоторые головы, напр., состояли лишь из тонких контуров. После очистки, фигурки были пришиты нитками из оленьих жил к большим листам картона, покрытого пропарафиненным пергаментом.

VII.

Изложив произведенную работу по очистке предметов, необходимо остановиться на реставрации вещей. До сих пор в мастерской мало пришлось произвести чисто реставрационных работ, так как все время было поглощено более неотложной работой по очистке вещей.

Украинские килимы были починены следующим образом. Придерживаясь общих принципов Русского Музея, старались лишь закрепить грозившее разрушением место, подшивая полотно в больших дырах, и скрепляя лопнувшую основу в тех местах, где растрепавшийся уток указывал на утрату основы. Один ковер, состоявший из нескольких фрагментов, пришлось дублировать целиком, сохранив его нити основы, соединявшие отдельные фрагменты. Холсты употреблялись в большинстве случаев некра-

шенные, так как современная анилиновая окраска года через три-четыре линяет и производит неприятное впечатление. Цветными холстами пользовались лишь в тех случаях, когда в распоряжении мастерской были кустарные холсты, лежавшие уже много лет и заведомо нелиновые ¹.

Кроме ковров, пришлось еще произвести большую работу по дублировке рыбьих кож. Многие одежды так пострадали, что без дублировки нельзя было обойтись, так как большие куски кожи совершенно истлели и выпали, между тем, как по орнаментации своей эти одежды представляли значительный интерес и их было желательно спасти. Некоторые предметы одежды целиком, другие частично были подклеены и подшиты. Для подшивки бралась простая хирургическая марля, окрашенная за неимением растительных красок, простыми анилиновыми красками в серовато-желтый цвет ².

К категории реставрации можно отнести и работу по восстановлению головных уборов, так как кроме чистки почти всем им пришлось придавать их прежнюю форму.

Большинство головных уборов—парчевые, шелковые и просто полотняные—было совершенно сплюснуто и покрыто густым слоем грязи. Трудность работы состояла в том, что проклеенные, большею частью, черной мукой, они не поддавались мытью, так как окончательно расклеивались. Пришлось прибегнуть к механической чистке тонкими щетками и влажными губками. Сняв снаружи и внутри налипшую грязь и осторожно размочив головной убор, приступали к приданию ему прежней формы утюгом через очень мокрую тряпку и в то же время к освежению ткани густым паром или же, поскольку это было возможно, смоченный головной убор натягивался на болванку и просушивался в таком виде; это удавалось лишь тогда, когда прокладка не была слишком толстой и затверделой, так как в этих случаях приходилось разбивать утюгом пологие и бугры для придания прежней формы. Придав форму, клали сушить уборы на железную решетку над плитой, чтобы сушка происходила одинаково, как внутри, так и снаружи.

Войлочные и фетровые шляпы мылись в тазах губкой или тонкой щеткой. Дав стечь воде, приступали к утюжке, так как форму можно придать только влажному фетру. Очень помятые шляпы приходилось аппретурить пшеничными отрубями.

Соломенные шляпы промывались в воде со щеткой и гладились через мокрое полотно. В случае, если солома была слишком измята, ее проклеивали гумми-трогагантом.

Труднее было с восстановлением венков из матерчатых и бумажных цветов. Щеточкой очищались цветки за цветком и расправлялся щипчи-

¹ Способ вставления недостающей основы, которым в Германии чинят ковры и гобелены, за недостатком времени не мог быть выполнен.

² Цвет этот довольно устойчивый. У нас существует образец такой марли, которая несмотря на постоянное употребление с 1910 г. не изменилась в цвете.

ками каждый лепесток и листик. Конечно, очень много пришлось подклеивать и подвигать и, отступая от строгих принципов, слегка подкрашивать цветы, так как иначе невозможно было бы добиться скольконибудь желательных результатов в смысле приближения их к прежнему состоянию.

VIII.

В период работы по ликвидации последствий наводнения была произведена также очистка тканей из раскопок экспедиции П. К. Козлова. Работа с этими тканями была особенно трудна не из-за ветхости их. Несмотря на свои 2000 лет, ткани очень хорошо сохранились и удивляют своей прочностью, но по тому состоянию, в котором они были доставлены (некоторые были в виде твердых, грязных комков). Вынутые при раскопках из жидкой тины, промытые на месте в ручье при температуре—5°, отжатые и просушенные между кострами, они имели следы подтеков, засохшего ила и ничем неисправимой измятости.

Затвердевшие комки газа опускались в большое количество кипяченой воды, где им давали размокнуть, и, когда они всплывали на поверхность, подводили под них толстое стекло, на котором уже и заканчивали дальнейшее промывание. Газ дезинфицировали чистым спиртом.

Одежда и шелковый ковер были промыты в кипяченой воде, потом разложены на столе и уже на столе бархатной губкой промыты яичным желтком, распушенным в теплой воде с несколькими каплями спирта. Затем они были прополоснуты и проглажены через влажное полотно. Прибегать к аппретуре не было найдено возможным, по причинам изложенным уже нами.

С остальными мелкими тканями поступали, как со всеми ценными шелковыми тканями, т. е. не опускали в воду, а на подстилках промывали яичным желтком и в дальнейшем поступали как было уже изложено выше, за исключением двух фрагментов, которые были прополоснуты в эфире.

К ВОПРОСУ ОБ ОЧИСТКЕ ТКАНЕЙ ИЗ РАСКОПОК
МОНГОЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ П. К. КОЗЛОВА.

Расчистка и приведение археологических тканей в пригодное для изучения и экспозиции состояние принадлежит к самым трудным музейно-реставрационным вопросам. Этнографический Отдел, озабоченный усовершенствованием предстоящих еще работ его мастерских, обратился к Институту Археологической Технологии с просьбой дать свое заключение по произведенным работам над тканями из раскопок П. К. Козлова. К сожалению, Институт ограничился созывом заседания Совета с участием специалистов, который, не проделав предварительно необходимого обследования вопроса, естественно стал жертвой ряда недоразумений и в своих заключениях впал в ошибку. В протоколе были отмечены в очень резких выражениях недопустимые приемы обработки совершенно испортившие многие образцы: указывалось на недопустимость употребления воды, особенно горячей, мыла, утюга, причем было констатировано заглаживание прямо по предмету. Протокол был напечатан и выпущен отдельной брошюрой с приложением инструкции по извлечению тканей при раскопках.

В виду чрезвычайной важности вопроса и в то же время полного недоумения, вызываемого некоторыми пунктами протокола, у лиц принимавших участие в раскопках и имевших отношение к работам над тканями, Заведующим Этнографическим Отделом были потребованы объяснения от Н. В. Исаченко, производившей работы, и запрошено мнение С. А. Теплоухова, производившего раскопки, как совместно с П. К. Козловым, так и самостоятельно в составе той же экспедиции. Оба документа печатаются ниже. Они, как кажется, дают ответ на опубликованные Институтом обвинения.

Б. Крыжановский.

Заведующему Этнографическим Отделом.

В ответ на запрос Ваш в связи с протоколом заседания Института Археологической Технологии от 9 февраля с. г. по поводу реставрации монгольских тканей, произведенной мною в январе 1925 г., довожу до вашего сведения нижеследующее.

Чистка тканей производилась со всеми предосторожностями, необходимыми для археологических тканей, указанными в специальной немецкой

литературе, в которой определенно говорится о нежелательности применения других средств, кроме промывки водой. Анализ воды *argentum nitricum* производился, в связи с другими большими работами, несколько раз в течение зимы, и ни разу не было замечено присутствие хлора. Нарекание на порчу тканей промывкой водой кажется тем более странным, что речь идет о тканях, пролежавших столетия в воде и промытых в воде уже на месте раскопок.

Способ работы был следующий. Испробовав на теплую и горячую воду уголок ткани, чтобы определить линючесть, растилали ее на толстую подстилку, легко впитывающую влагу, и бархатной губкой промывали теплой, кипяченой водой, но отнюдь не горячей, как это указано в протоколе. Промывка производилась до тех пор, пока отжатая губкой вода не была совершенно чиста. Очень загрязненные ткани промывались яичным желтком, смешанным с несколькими каплями спирта и теплой водой, а затем уже чистой кипяченой водой продолжалась дальнейшая работа. Промыв таким способом ткань, ее перекидывали в сухие полотна и слегка отжимали ими воду; затем в том же горизонтальном положении просушивали ее и через мокрое полотенце проглаживали. Указание мастера Дамма, что глажение производилось прямо по ткани, так как в противном случае следы проложенной материи были бы видны, — неверно: только очень грубая прокладка дает свой отпечаток, что, конечно, недопустимо даже при самом простом глажении.

К глажению пришлось прибегнуть в виду большой спешки перед выставкой, так как недостаток времени не позволял прибегнуть к накаливанию тканей для разглаживания (но и этот способ в инструкции Института Археологической Технологии считается недопустимым). Указание на нежелательность утюга вполне верно, но вред его очень преувеличен. Не нужно быть специалистом, чтобы знать, что блеск утюга легко удаляется влажной губкой, что легко доказать на любом образце, указанном в протоколе. Деформация же механическим давлением более чем проблематична, так как для этого нужна необычайная сила; кроме того, шелковое волокно настолько гигроскопично, что малейшая влага придает ему его прежний вид.

Переходя к конкретному разбору перечисленных в протоколе тканей должна указать, что совместный обзор с С. А. Теплоуховым выяснил следующее.

1) Что №№ 13769, 13772, 14397, 13825, как шерстяные, не были мною промыты, а были лишь подштопаны в мастерской Художественного Отдела Русского Музея, где вообще не производится никакой чистки или промывки, и, таким образом, указание мастером Даммом на присутствие мыла и поредение ткани от стирки совершенно предвзято и ни на чем не основано.

2) Что сравнение тканей № 13824 и 14399 так же произвольно. Образец 14399 привезен из другого кургана из раскопок 1925 г., и непонятно, почему доказывается, что № 13824 был с ним одного цвета и

изменение его произошло от горячего утюга, в то время как однородные с № 13824 ткани с вышитыми грифонами своего цвета не изменили. Такое грубое изменение цвета не могло не броситься в глаза С. А. Теплоухову и его сотрудникам, что и может быть ими подтверждено. Кроме того, такое грубое изменение не могло не быть занесено в журнал работ.

3) Что в виду подозрительности и непрочности ткани № 13958 был взят испорченный лоскуток этой ткани для пробы, которая выяснила, что линючесть ткани настолько сильна, что требует целого ряда опытов, для определения чистки, а недостаток времени не позволяет этого, и поэтому дальнейшая работа не производилась, что и отмечено в журнале работ.

4) Что указание на грязный утюг в № 14117 ошибочно, так как при осмотре с С. А. Теплоуховым вполне выяснилось, что пятно явно органического происхождения.

5) Что в №№ 13769, 13823, 14113 блеск утюга, как уже было указано, легко удалить влажной губкой, и поэтому указание на порчу неверно.

6) Что ткань № 14396 не была привезена во время выставочных работ, как находящаяся в раскопках 1925 г., и помещение ее в список испорченных лучше всего доказывает предвзятость высказанных суждений.

Чтобы все выше изложенное мною не было голословно, прошу устроить арбитражную комиссию из специалистов с привлечением в нее мастера Дамма и с моей стороны Пеклие-Асмана, в присутствии которых проделан будет вышеизложенный способ работы.

Н. Исаченко.

По поводу журнала заседания Института Археологической Технологии от 9 февраля 1926 г.

Ознакомившись с журналом заседания Института Археологической Технологии от 9 февраля по вопросам реставрации и консервации монгольских тканей, присланном на имя Заведующего Этнографическим Отделом, считаю необходимым отметить следующее.

1) Все заседание было посвящено теоретической критике, главным образом реставрации, и отчасти приемам обращения с тканями при раскопках и, таким образом, носило чрезвычайно специфический характер.

2) Среди членов комиссии не было никого, кто бы видел реставрационный материал до реставрации, и поэтому комиссия не могла судить, насколько изменились вследствие реставрации очищенные ткани.

3) Эксперты комиссии не были, повидимому, осведомлены с условиями нахождения тканей в могилах, и этим только можно объяснить их некоторые заключения при обсуждении столь трудных вопросов, как о том: изменились ли краски, насколько они изменились, в какой момент, под влиянием каких реагентов. Кроме того, они не знакомы были и

с дневниками реставрации и с теми мерами, которые применялись при реставрации.

4) Профессор Монахов подтвердил очевидность разнообразия тканей, различное их происхождение и сложность технологического повимания, что стоит, повидимому, в некотором противоречии с мнением профессора Грибоедова, который считает яркий пурпуровый цвет одного куска основным для всех чищенных самых разнообразных тканей, но в то же самое время находит, что при современном состоянии тканей пигмента сохранилось настолько мало, что определить краски почти невозможно. Большая часть тканей носит, по его мнению, один сплошной рыжий тон.

5) Принимая во внимание большое разнообразие тканей, решение вопроса о том, когда исчезли краски в тканях и приобрели общий рыжий тон, является чрезвычайно трудным.

Прежде всего надо иметь в виду, что краски некоторых тканей могли измениться прежде, чем ткани попали в могилу, с чем не могут не согласиться и эксперты, указавшие, что краски в рассматриваемую эпоху были настолько непрочны, «что вода могла просто смывать краску, независимо даже от каких-либо солей и щелочей».

Затем, не надо забывать, что тысячу слишком лет тому назад могилы были разграблены, при чем многие ткани были разодраны грабителями, и большинство брошено было в кучах в разных частях двойных погребальных камер, что, конечно, не могло не оставить следов некоторого «воздействия» на ткани, помимо механического давления, которое производил многопудовый гроб и вся толща земли над погребением.

Необходимо принять во внимание, что если краски тканей могут измениться под влиянием промывки их хотя бы в воде из ленинградского водопровода, то тем более они могли потерпеть сильное изменение в самых могилах, пролежав около 2000 лет в жидкой грязи, где циркулировали воды с самыми разнообразными органическими и неорганическими реагентами. Физико-химический характер среды, в которой лежали ткани, был различен не только в разных камерах, но даже в разных углах одной и той же камеры в зависимости от близости того или иного реагента.

На основании всего вышеизложенного, сравнение отдельных кусков материи из разных мест камеры, и, что еще хуже, из разных могил, не может дать нам представления о том, когда произошло изменение окраски тканей.

6) Несмотря на все вышеизложенные соображения о трудности решения вопроса, когда изменились краски тканей, мастер Дамм отмечает, что ткани обесцвечены поразительно и, что произошло это, по его мнению, от стирки в воде, при чем допускает применение при чистке мыла.

7) Не могу согласиться с мнением Дамма и остальных экспертов, не издавших реставрированных тканей до их очистки, а также совершенно не представляющих условия их находки, что произведенная реставрация могла разрушить краску тканей настолько, чтобы это было не замечено.

8) Настолько теоретичны заключения комиссии, лучше всего иллюстрирует краткий перечень мер по извлечению древних тканей. Нет нужды подробно останавливаться на них, так как сам перечень лучше всего подчеркивает, что специалисты, написавшие его, не имеют никакого представления об условиях археологических раскопок.

С. Теплоухов.

1970 М.

Цена 1 р. 25 к.